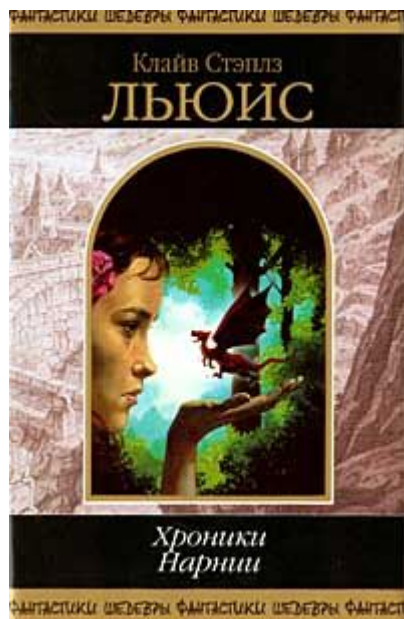

Клайв Стейплз Льюис
Последняя битва

Серия: *Хроники Нарнии* – 7

Аннотация

«Хроники Нарнии» — это избранная книга, сравниться с которой может разве что «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Символично и то, что Толкиен и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис были близкими друзьями, а теперь их книги ежегодно переиздаются и соперничают по популярности. Так же как и «Властелин Колец», «Хроники Нарнии» одинаково любимы и детьми, и взрослыми. Суммарный тираж «Хроник Нарнии» превысил 100 миллионов экземпляров.

В то время, как страна изнывает под игом лже-Эслана, Юстейс и Джилл пытаются найти настоящего льва. Лже-Эслан и его приспешница Обезьяна развязывают в Нарнии кровавую войну, и спасение волшебной страны зависит теперь от Юстейса с Джилл.

Клайв Стейплз Льюис Последняя битва

Глава 1. КОТЕЛКОВОЕ ОЗЕРО

Это случилось в последние дни существования Нарнии. Далеко на Западе, за равниной Фонарного столба, за огромным водопадом, жил Обезьян. Он был так стар, что никто не мог вспомнить, когда он впервые пришел в эти места. Он был самой умной и при этом самой морщинистой и безобразной обезьяной, какую только можно себе представить. Жил он в маленьком домике, который прятался в развилке большого дерева среди листвы. Звали его Хитр. В этой части леса было много других говорящих животных и людей, и гномов, и прочих обитателей, но у Хитра среди них был только один друг и сосед, ослик по имени Недотепа. Оба говорили, что они друзья, но, глядя со стороны, можно было подумать, что Недотепа был скорее слугой Хитра, чем его другом. Он работал за двоих. Когда они ходили к реке, Хитр наполнял водой большие кожаные фляги, но тащил их Недотепа. Когда им было что-нибудь нужно в городе, расположенном ниже по реке, Недотепа шагал туда с пустыми корзинами на спине и нес их обратно полными и тяжелыми. Все вкусное, что ослик приносил из города, съедал Хитр, и при этом говорил: «Ты же понимаешь, я не могу есть траву и чертополох как ты, и по справедливости я должен это чем-то возмещать». На что Недотепа всегда отвечал: «Конечно, Хитр, конечно. Я вижу, что это именно так». Недотепа никогда не выражал недовольства, он знал, что Хитр гораздо умнее его, и думал, что очень мило со стороны Хитра быть его другом. А если Недотепа и пытался спорить, Хитр всегда говорил: «Не спорь. Недотепа, я понимаю, что нам нужно, гораздо лучше, чем ты. Ты ведь знаешь, что ты не очень умен». И ослик всегда отвечал: «Да, Хитр, ты прав, я не умен», и больше не протестовал, и делал все, что говорил Хитр.

Однажды утром эта парочка отправилась гулять по берегу Котелкового озера. Это было большое озеро, лежащее у подножья скал на западном краю Нарнии. Огромный водопад с громовым шумом падал прямо в озеро, а с другой стороны из него вытекала Великая река. Вода в озере все время плясала, булькала и вспенивалась, как будто закипала, и именно поэтому его называли Котелковым. Озеро оживало ранней весной, когда водопад заглатывал все снега, тающие на вершинах Западных гор. И вот, когда Хитр и Недотепа смотрели на Котелковое озеро, Хитр внезапно ткнул темным морщинистым пальцем и сказал:

— Посмотри! Что это?

— Что, что? — сказал ослик.

— Что это за желтая штука, которую несет вниз по водопаду? Вот она опять, смотри! Она плавает. Мы должны понять, что это.

— Должны мы? — сказал Недотепа.

— Конечно, должны, — ответил Хитр. — Это может быть что-нибудь полезное. Будь другом, прыгни в озеро и вылови эту штуку. Тогда мы и узнаем, что это.

— Прыгнуть в озеро? — сказал ослик, шевеля длинными ушами.

— Ну, а как мы иначе достанем это, если ты не прыгнешь? — спросил Обезьян.

— Но... но... — сказал Недотепа, — не лучше ли будет, если ты прыгнешь? Ведь это тебе хочется узнать, а не мне. Кроме того, у тебя есть руки, как у человека или гнома, а у меня только копыта.

— Да, Недотепа, — сказал Хитр. — Я никогда не думал, что ты можешь такое сказать. Даже представить себе не мог.

— Ну что я сказал неправильного? — робко спросил осел, видя, что Хитр глубоко оскорблен. — Я имел в виду только...

— Ты хочешь, чтобы я полез в воду? — спросил Обезьян. Как будто ты не знаешь, какая слабая у обезьян грудь и как легко они простужаются! Очень хорошо. Я полезу. Я наверняка простужусь на этом жестоком ветру. Но я полезу. Может быть, я даже умру. Тогда-то ты пожалеешь, — голос Хитра звучал так, будто он собирался удариться в слезы.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, не делай этого, — не то сказал, не то проревел ослик. — Я вовсе не имел этого ввиду.

Ты знаешь, что я глуп, и не могу думать о двух вещах сразу. Я забыл про твою слабую грудь.

Конечно, я полезу. Ты и не думай делать это сам. Обещай мне, что ты этого не сделаешь, Хитр.

Хитр обещал, и Недотепа, цокая всеми четырьмя копытами, стал искать, где бы войти в озеро. Мало того, что было холодно — не шуткой было и войти в эту бурлящую и пенящуюся воду, и ослик стоял и дрожал целую минуту, пока решился. Но тут Хитр, стоя позади, воскликнул: «Лучше бы я сделал это сам». Услышав такие слова, Недотепа сказал: «Нет, нет, ты же обещал, я уже там», — и вошел в озеро.

Огромная масса пены окатила его, пасть наполнилась водой, он почти ослеп. Он пробыл под водой несколько секунд и вынырнул далеко от берега. Потом водоворот поймал его и потащил по кругу все быстрее и быстрее, пока ослик не очутился прямо под водопадом, и тут вода обрушилась на него со всей силой и потащила вниз, он подумал, что уже не сможет вздохнуть, вынырнул и очутился около той вещи, которую пытался поймать, но водопад затянул ее на дно.

Когда она снова показалась на поверхности, то была еще дальше от ослика. Наконец он, весь в ушибах, онемевший от холода, близкий к смерти, схватил ее зубами. Он толкал ее перед собой, путаясь в ней передними копытами — она была размером с большой каминный коврик и к тому же тяжелая, холодная и скользкая.

Он бросил ее перед Хитром и стоял промокший и дрожащий, пытаясь перевести дух. Но Обезьян даже не взглянул на него и не спросил, как он себя чувствует. Он был слишком занят. Он ходил кругами вокруг этой вещи, разворачивал ее, сворачивал, обнюхивал. Затем в его глазах показалась злая усмешка и он сказал:

— Это львиная шкура.

— Э... аа... о... это, — задыхался Недотепа.

— Интересно... интересно... — пробормотал Хитр, задумавшись.

— Интересно, кто убил этого бедного льва, — проговорил Недотепа спустя некоторое время. — Его нужно зарыть, мы должны устроить похороны.

— О, это не говорящий лев, — возразил Хитру — не беспокойся. Тут до самой Западной Пустыни нет говорящих зверей. Это шкура немого, дикого льва.

Так оно и было. Охотник, человек, убил льва и снял с него шкуру где-то в Западной Пустыне несколько месяцев тому назад. Но это не имеет отношения к нашей истории.

— Все же, Хитр, — сказал Недотепа, — даже если это только дикий, немой лев, разве мы не должны устроить ему приличные похороны, я имею в виду... ну... разве не все львы важны, потому что ты знаешь, кто... Ты понимаешь?

— Не забивай свою голову такими мыслями. Недотепа, произнес Хитр, — ты ведь сам знаешь, что не силен в размышлениях. Мы сделаем тебе из этой шкуры отличную зимнюю одежду.

— О, не думаю, что мне этого хочется, — сказал ослик. Это будет выглядеть как... Ну, я имею в виду, что другие звери могут подумать... или, можно сказать, я буду чувствовать себя...

— О чем ты говоришь? — спросил Хитр, почесываясь по-обезьянски.

— Я не думаю, что будет уважительно по отношению к Великому Льву, самому Аслану, если такой осел, как я, станет ходить в львиной шкуре.

— Не спорь, — сказал Хитр, — что может знать такой осел, как ты, об этих делах. Ты же знаешь, что не слишком хорошо умеешь думать, так уж позволь мне думать за тебя. Почему бы тебе не обращаться со мной так, как я обращаюсь с тобой? Я ведь не делаю того, что ты умеешь лучше меня. Поэтому я и позволил тебе лезть в озеро: я знал, что это ты сделаешь лучше меня. Другое дело то, что я могу делать, а ты нет. Или я вообще не должен ничего делать? Давай по-честному делиться работой.

— Конечно, если ты считаешь, что так нужно, — сказал Недотепа.

— Вот что я тебе скажу, — ответил Хитр. — Ты бы лучше пробежался быстренько вниз по реке до Чипингфолда и посмотрел, нет ли там апельсинов или бананов.

— Но я так устал, Хитр, — взмолился ослик.

— Ты сильно промок и замерз, — сказал Обезьян. — Тебе нужно согреться. Быстрая пробежка — как раз то, что нужно. Кроме того, в Чипингфолде сегодня базарный день.

После этого Недотепа, конечно, сказал, что пойдет.

Как только Хитр остался один, он поспешил своей неуклюжей походкой, то на двух, то на четырех, к дереву. Болтая сам с собой и гримасничая, он прыгал с ветки на ветку, пока не вошел в свой маленький домик. Ему нужны были иголка, нитки и большие ножницы, ведь он был очень умным Обезьяном, и гномы научили его шить. Он засунул клубок ниток в рот (это были очень

толстые нитки, больше похожие на бечевку, чем на нитки), так что щека его раздулась, как будто он сосал большую конфету; зажал в губах иголку и взял ножницы в левую лапу. Затем он слез с дерева и вернулся к львиной шкуре, сел на корточки и принялся за работу.

Он понял, что туловище львиной шкуры слишком длинно для ослика, а шея — коротка, поэтому отрезал большой кусок от шкуры, чтобы сделать воротник для длинной шеи Недотепа. Затем он отрезал голову и пришил этот воротник между головой и плечами. Он сделал тесемки, которые должны были завязываться на груди и животе Недотепа. Каждый раз, когда над ним пролетала птица, Хитр прекращал работу. Похоже, он сердился на птиц, так как не хотел, чтобы кто-нибудь видел, чем он занят. Но птицы были не говорящие, их можно было не опасаться.

К вечеру Недотепа вернулся назад. Он уже не скакал, а терпеливо тащился, как это обычно делают ослики.

— Там не было апельсинов, — сказал он, — и не было бананов. И я ужасно устал, — и он лег.

— Пойди примерь свою прекрасную новую одежду из львиной шкуры, — сказал Хитр.

— Сколько беспокойства с этой старой шкурой, — воскликнул Недотепа. — Я примерю ее утром, я очень устал сегодня.

— Какой ты недобрый, — сказал Хитр, — если ты устал, то как же устал я. Весь длинный день, пока ты совершал освежающую прогулку вниз по долине, я трудился, чтобы сделать тебе одежду. У меня так устали лапы. Я устал резать ножницами. А ты не хочешь даже сказать мне спасибо... ты не хочешь даже посмотреть... Ты не заботливый... и... и...

— Извини меня, мой дорогой Хитр, — отозвался Недотепа, мгновенно вскакивая. — Я от- вратительный. Конечно, мне будет очень приятно это примерить. Выглядит просто великолепно. Давай примерим сейчас же, давай?

— Ну, тогда стой здесь, — сказал Обезьян. Шкура была тяжелая, и он с трудом ее поднял, но в конце концов, после множества усилий, дерганий, пыхтения, тяжелых вздохов, надел на ослика, завязал тесемки и привязал ноги шкуры к ногам ослика и хвост к хвосту. Серый нос и морда Недотепа мелькали в открытой пасти львиной головы. Каждый, кто когда-нибудь видел настоящего льва, заметил бы подделку через минуту. Но тот, кто не видел львов никогда, взглянув на Недоте- пу в львиной шкуре, мог по ошибке принять его за льва, особенно издали и при неярком свете, и если бы Недотепа в этот момент не ревел и не стучал копытами.

— Ты выглядишь чудесно, просто чудесно, — сказал Обезьян. — Если кто увидит тебя сей- час, то подумает, что ты Аслан, сам Великий Лев.

— Это было бы ужасно, — возразил Недотепа.

— Неважно, — ответил Хитр. — Зато он сделает все, что ты прикажешь.

— Я никому не хочу приказывать.

— А ты подумай, сколько хорошего мы сможем сделать, сказал Хитр. — Ты же знаешь, что всегда можешь посоветоваться со мной. Я буду давать тебе благоразумные указания. И все будут подчиняться нам, даже сам король. Мы все исправим в Нарнии.

— А разве в ней и так не все правильно? — спросил Недотепа.

— Что! — закричал Хитр. — Все правильно? Когда нет апельсинов и бананов?

— Ну, знаешь, — сказал ослик, — я думаю, что это волнует только тебя.

— Есть также сложности с сахаром, — заметил Хитр.

— Н-да, хорошо бы, чтобы сахара было побольше, — отозвался осел.

— Тогда договорились, — сказал Хитр. — Ты будешь изображать Аслана, а я скажу тебе, что говорить.

— Нет, нет, нет, — воскликнул Недотепа. — Не говори таких ужасных вещей. Это непра- вильно, Хитр. Я не очень умен, но я знаю, что это слишком. Что станет с нами, если вернется на- стоящий Аслан?

— Я думаю, что он будет доволен, — сказал Хитр. — Возможно, он послал нам львиную шкуру, чтобы мы все исправили. Во всяком случае, если он и вернется, то не в наше время.

В этот момент прямо над их головами раздался ужасный удар грома, и земля задрожала. Оба потеряли равновесие и упали навзничь.

— Это знак, — прошептал Недотепа, когда дыхание вернулось к нему, — предостережение. Мы делаем что-то ужасное.

Сними с меня немедленно эту несчастную шкуру.

— Нет, нет, — возразил Обезьян (соображал он очень быстро). — Это знак другого рода. Я как раз собирался сказать, что если настоящий, как ты говоришь, Аслан, выбрал нас, он пошлет нам удар грома или землетрясение. Это было у меня прямо на кончике языка, только знак пришел раньше, чем я сказал. Теперь ты понял. Недотепа? И пожалуйста, не будем больше спорить. Ты и сам знаешь, что многого не понимаешь. Что может ослик понимать в знаках?

Глава 2. ОПРОМЕТЧИВЫЙ ПОСТУПОК КОРОЛЯ

Недели три спустя последний король Нарнии сидел под огромным дубом у двери охотничьего домика, где он часто останавливался дней на десять в погожие весенние дни.

Охотничий домик был невысок, сделан из тростника и находился в восточной части равнины Фонарного столба у слияния двух рек. Королю нравилось жить здесь на свободе простой жизнью, вдали от придворных и столичного шума Кэр-Паравела. Звали его Тириан и было ему лет двадцать или двадцать пять. У него были голубые глаза и бесстрашное честное лицо, широкие и крепкие плечи, мускулистые руки и ноги, а ума еще маловато.

В это весеннее утро с ним не было никого, кроме его ближайшего друга единорога Алмаза. Они любили друг друга как братья, и охраняли один другого в битвах. Благородное создание стояло чуть позади кресла короля, полируя голубым рогом сливочную белизну своего бока.

— Я сегодня не могу заставить себя ни работать, ни заниматься спортом,

— сказал король. — Я ни о чем не могу думать, кроме чудесных новостей. Как ты считаешь, мы сегодня услышим еще что-нибудь?

— И в дни наших отцов и дедов не слыхали новости удивительней, — сказал Алмаз. — Если только это правда.

— Как это может быть неправдой? — воскликнул король. — Уже больше недели прошло с тех пор, как первая птица прилетела, чтобы сказать: «Аслан здесь, Аслан снова вернулся в Нарнию». А потом пришли белки. Они не видели его, но сказали, что он в лесу. А затем пришел олень, он собственными глазами видел его, идущего по залитой лунным светом равнине Фонарного столба. А после пришел этот бородатый темнолицый человек, купец из Тархистана. Они не знают Аслана как мы, но этот человек говорит о его приходе, как о чем-то несомненном. А прошлой ночью приходил барсук, и он тоже видел Аслана.

— Между прочим, сир, — ответил Алмаз, — я верю им, и если по мне этого не видно, то только потому, что радость чересчур велика. Слишком прекрасно, чтобы поверить.

— Да, — сказал король со вздохом, и голос его задрожал от счастья, — это прекраснее всего, чего я мог ожидать.

— Прислушайтесь! — сказал Алмаз, склоняя голову и выставляя вперед уши.

— Что это? — спросил король.

— Копыта, сир, — ответил Алмаз. — Лошадь, скачущая галопом. Очень тяжелая лошадь. Должно быть, кентавр. Смотрите, он уже здесь.

Огромный золотобородый кентавр с человеческим потом на лбу и лошадиным потом на гнедых боках стремительно приблизился к королю, остановился и низко склонил голову.

— Привет тебе, король, — его голос был низким, как рев быка.

Эй, кто-нибудь, — крикнул король, поглядев через плечо на дверь охотничьего домика. — Чашу вина для благородного кентавра. Добро пожаловать, Рунвит. Когда ты передохнешь, ты расскажешь нам, с какой вестью пришел.

Паж вышел из домика, неся огромную, изящно выдолбленную деревянную чашу. Кентавр поднял ее и сказал:

— Я пью, во-первых, за Аслана и правду, сир, а во-вторых, за ваше величество. — Он осушил чашу (достаточную для шести-семи мужчин) в один глоток и отдал ее пажу.

— Ну, Рунвит, — сказал король, — ты принес нам новость об Аслане? Рунвит промолвил хмуро и печально:

— Сир, вы знаете, как долго я живу на свете и изучаю звезды, ибо мы, кентавры, живем дольше, чем люди, и даже дольше, чем твой род, единорог. За всю мою жизнь я не видел, чтобы небеса предвещали такой ужас, как в этом году.

Звезды ничего не говорят о пришествии Аслана. Они не говорят ни о мире, ни о радости. Мое искусство говорит, что таких гибельных сочетаний планет не было в течение пятисот лет. Я

собирался прийти и предупредить ваше величество о том, что огромное бедствие угрожает Нарнии. Но в эту ночь до меня дошел слух, будто Аслан вернулся в Нарнию. Сир, не верьте этой сказке, этого не может быть, звезды никогда не лгут, а люди и звери могут. Если бы Аслан действительно пришел в Нарнию, небо предсказало бы это. Если бы он действительно вернулся, все самые милосердные звезды собрались бы в его честь. Это все ложь.

— Ложь! — неистово вскричал король. — Какое создание в Нарнии или во всем мире осмелится лгать в таком деле? И он бессознательно положил руку на рукоять меча.

— Не знаю, государь, — сказал кентавр, — но знаю, что есть лжецы в нашем мире и нет их среди звезд.

— Интересно, — промолвил Алмаз, — разве Аслан не может прийти, хотя бы все звезды предсказывали обратное? Он не раб звезд. Он их Творец. Разве не говорится во всех преданиях, что он не ручной лев! Рунвит поднял руку и наклонился, чтобы сказать королю что-то важное, но тут вдали послышались крики и причитания. Все трое повернули головы. К востоку от них лес был таким густым, что услышать идущего можно было раньше, чем увидеть.

— Горе, горе, горе! — зывал голос. — Горе моим братьям и сестрам! Горе священным деревьям! Леса превратятся в пустыни. Топор угрожает нам. Мы будем срублены. Великие деревья падают, падают, падают.

С последним «падают» говорящая вышла на свет. Она была похожа на женщину, такую высокую, что голова ее была на одном уровне с головой кентавра. Но она напоминала и дерево. Это трудно объяснить, если вы никогда не видели дриад, но вы легко узнаете их по облику, голосу и волосам.

Король Тириан и остальные поняли, что перед ними нимфа букового дерева.

— Справедливости, государь! — вскричала она. — Придите на помощь. Защитите наш народ. Они рубят нас на равнине. Сорок огромных стволов моих братьев и сестер лежат на земле.

— Что ты говоришь, госпожа! Рубят на равнине? Убивают говорящие деревья? — закричал король, вскакивая на ноги и обнажая меч. — Как они посмели? Кто осмелился? Теперь, именем Аслана...

— А-а-а-а, — застонала дриада, корчась от боли, как под ударами топора. Она упала так внезапно, словно ей подрубили ноги. Секунду она лежала мертвая на траве, а затем исчезла. Все поняли, что произошло: ее дерево за много миль отсюда было срублено.

В первый момент скорбь и ужас короля были так велики, что он не мог говорить. Потом произнес: — Скорее, друзья, мы должны как можно быстрее добраться до реки и найти злодеев, которые это делают. Я не оставлю ни одного из них в живых.

— Всегда с вами, сир, — воскликнул единорог.

Но Рунвит сказал:

— Сир, будьте осторожны даже в ярости. Происходят странные вещи. Если бунтовщики в долине вооружены, нас троих будет слишком мало, чтобы встретить их. Если вы подождете, пока...

— Я не буду ждать даже десятой доли секунды, — возразил король. — Пока мы с Алмазом двинемся вперед, скачи галопом в Кэр-Паравел. Вот тебе мое кольцо, чтобы ты мог приказывать. Собери вооруженных всадников и говорящих псов, и десяток гномов с луками, и леопарда, и великана Камненога. Веди их за нами как можно быстрее.

— К вашим услугам, сир, — ответил Рунвит. В ту же минуту он повернулся и поскакал галопом вниз по долине на восток.

Король двигался огромными шагами, иногда бормоча про себя, иногда сжимая кулаки. Алмаз шел рядом с ним, не произнося ни слова, поэтому не было слышно ничего кроме позвякивания золотой цепи на шее единорога, шума шагов и цоканья копыт.

Вскоре они достигли реки и свернули на дорогу, поросшую травой. Теперь вода была слева, а лес справа. Земля была в ухабах, и густой лес подходил прямо к воде. Дальше дорога шла по южному берегу и надо было перейти реку вброд. Вода доходила Тириану до подмышек, но единорог четыре ноги делал его более устойчивым — держался справа и разбивал своим телом водяной поток. Тириан положил руку на сильную шею единорога, и оба в целости и сохранности перешли реку. Король был так зол, что даже не заметил, как холодна вода, но выйдя на берег, конечно же, сразу тщательно вытер меч о единственную сухую часть плаща — о плечо. Теперь они шли на запад, и река была справа, а равнина Фонарного столба — прямо перед ними. Они не про-

шли и мили, как вдруг остановились и одновременно заговорили. Король воскликнул: — «Что это?» А единорог сказал: — «Смотри!»

— Это плот, — заметил король Тириан.

И это было так. Полдюжины великолепных, только что срубленных и очищенных от ветвей стволов были связаны в плот, который быстро скользил вниз по реке. Направляла плот водяная крыса с шестом.

— Эй, Водяная Крыса, что ты делаешь? — закричал король.

— Сплаваю бревна вниз по реке, чтобы продать их тархистанцам, сир, — ответила Крыса, касаясь лапой уха, как могла бы коснуться фуражки, будь она у нее.

— Тархистанцам! — прогремел Тириан. — Что ты имеешь в виду? Кто позволил рубить эти деревья? Река в это время года неслась так быстро, что плот уже проплыл мимо короля и единорога, но Водяная Крыса обернулась и прокричала:

— По приказу Льва, сир, самого Аслана. — Она что-то еще добавила, но они уже не услышали.

Король и единорог уставились друг на друга; и в битвах им не было страшно так, как сейчас.

— Аслан, — сказал наконец король глухим голосом. — Аслан! Может ли это быть правдой? Может ли он приказывать рубить священные деревья и убивать дриадов?

— Ну, а если дриады сделали что-нибудь ужасное... — проворчал Алмаз.

— Продавать их тархистанцам! — воскликнул король. — Это возможно?

— Я не знаю, — ответил единорог горестно. — Он не ручной лев.

— Мы должны пойти, — сказал король наконец, — и принять посланную нам судьбу.

— Это единственное, что остается, сир, — ответил единорог.

Ни он, ни король не понимали в тот момент как глупо с их стороны идти вдвоем. Они были слишком разгневаны, чтобы обдумывать свои поступки, и много горя принесла их опрометчивость.

Внезапно король склонился к шее друга и притянул его голову.

— Алмаз, — сказал он, — что нас ждет? Ужасные мысли одолевают меня. Если мы сегодня умрем, это еще будет счастьем.

— Да, — ответил Алмаз, — мы жили слишком долго. На нас надвигается самое худшее. — Они постояли так минуту-другую, а затем продолжили свой путь.

Они уже давно слышали «клак-клак-клак» топоров, стучащих по дереву, но еще ничего не видели, потому что взбирались на холм. Лишь дойдя до его вершины, они увидели перед собой всю равнину — Фонарного столба. Лицо короля побелело.

Прямо посередине древнего леса — а это был тот лес, где когда-то выросли деревья из золота и серебра, и дитя из нашего мира посадило Дерево, защищавшее Нарнию — шла широкая просека. Она была похожа на глубокую кровотокающую рану в земле; там, где сваленные деревья тащили вниз к реке, оставались грязные борозды. На просеке работало множество разных созданий, слышалось щелканье кнута и видны были лошади, изо всех сил тянущие бревна. Но поразило короля и единорога то, что половину толпы составляли люди, а не говорящие животные. Еще их поразило то, что это были не белокурые обитатели Нарнии, а темнолицые бородатые жители Тархистана, великой и жестокой страны, лежащей за пустыней к югу от Орландии. Конечно, в Нарнии можно было встретить одного-двух тархистанцев — купца или посла — потому что в те дни между Тархистаном и Нарнией был мир. Но Тириан не мог понять, откуда их здесь так много и почему они рубят лес в Нарнии. Он крепче сжал меч и обмотал левую руку плащом. Затем они быстро спустились вниз.

Двое тархистанцев правили лошадью, тянущей бревно.

Как раз в тот момент, когда король добрался до них, бревно застряло в грязи.

— Работай, сын лени! Тащи, ленивая свинья! — кричали тархистанцы, щелкая кнутами. Конь тянул изо всех сил.

Его глаза покраснели, он был покрыт пеной.

— Работай, ленивая скотина, — закричал один из тархистанцев и с ожесточением ударил лошадь кнутом. И тогда произошла совсем ужасная вещь. До этой минуты Тириан не сомневался, что лошади, которых погоняли тархистанцы, были их собственные — немые, лишенные разума животные, такие же, как в нашем мире. Хотя ему было тяжело видеть запряженной даже немую лошадь, он, конечно же, больше думал об убийстве деревьев. Мысль, что кто-нибудь в Нарнии

может запрячь одну из свободных говорящих лошадей, а тем более попробует на ней кнут, не могла даже закрасться ему в голову. Но когда жестокий удар обрушился на лошадь, та поднялась на дыбы и простонала:

— Глупец и тиран! Разве ты не видишь, я делаю все, что могу?

Когда Тириан осознал, что этот конь — один из его подданных, то и он, и Алмаз пришли в такую ярость, что уже не понимали, что делают. Меч короля взлетел вверх, рог единорога опустился вниз, и оба рванулись вперед. Тархистанцы упали мертвыми, один, пронзенный мечом Тириана, другой — пробитый рогом Алмаза.

Глава 3. ОБЕЗЬЯН ВО СЛАВЕ

— Господин Конь, господин Конь, — сказал Тириан, поспешно обрезая построшки, — как удалось этим пришельцам поработить вас? Нарния завоевана? Была битва?

— Нет, сир, — тяжело дыша ответил конь. — Аслан здесь. Это по его приказу. Он приказал...

— Осторожно, король, — закричал Алмаз. И Тириан увидел, что тархистанцы, вперемешку с говорящими животными, бегут к ним со всех сторон. (Те двое умерли без крика, и прошло несколько мгновений, пока другие поняли, что случилось). У большинства из них в руках были обнаженные ятаганы.

— Быстрее! Ко мне на спину! — воскликнул Алмаз.

Король вскочил верхом на своего старого друга, тот повернулся и поскакал прочь. Чтобы скрыться от врагов. Алмаз дважды или трижды менял направление, затем пересек ручей и закричал, не замедляя бега:

— Куда теперь, сир? В Кэр-Паравел?

— Тебе тяжело, друг, — отозвался Тириан. — Позволь мне слезть. — Он соскользнул со спины единорога и оказался прямо перед ним.

— Алмаз, — сказал король, — мы совершили ужасный поступок.

— Нас спровоцировали, — ответил Алмаз.

— Напасть на них, ничего не подозревающих, без вызова, пока они были безоружны. Фу! Мы двое убийц. Алмаз. Я опозорен навсегда.

Алмаз опустил голову. Ему было слишком стыдно.

— И потом, — добавил король, — конь сказал, что это делалось по приказу Аслана. Крыса говорила то же самое. Все они говорят, что Аслан здесь. А что, если это действительно правда?

— Но, сир, как может Аслан приказывать такие ужасные вещи?

— Он не ручной лев. Что мы знаем о том, что он должен делать? Мы, двое убийц. Алмаз, я вернусь назад. Я отдамся в руки тархистанцев, и отдам свой меч, и попрошу их отвести меня к Аслану. Пусть он судит меня.

— Ты идешь на смерть.

— Ты думаешь, меня заботит, что Аслан осудит меня на смерть? — ответил король. — Это ерунда. Лучше умереть, чем жить в страхе, что Аслан пришел и оказался не похож на того Аслана, в которого мы верили и к которому стремились. Представь себе, что солнце взошло однажды и оказалось черным.

— Я понимаю. Ты пьешь воду, а она оказывается сухой, Вы правы, сир, это конец всего. Пойдемте и отдадимся им в руки.

— Нет нужды идти обоим.

— Во имя нашей любви друг к другу, позволь мне пойти с тобой. Если ты умрешь, и если Аслан — не Аслан, зачем мне жить?

И они пошли назад, проливая горькие слезы.

Как только они вернулись туда, где продолжалась работа, тархистанцы подняли крик и бросились им навстречу с оружием в руках. Но король протянул меч рукоятью вперед и произнес:

— Я был королем Нарнии, теперь я — обесчещенный рыцарь и отдаюсь на суд Аслана. Ведите меня к нему.

— И меня тоже, — сказал Алмаз.

Темнолицые люди сгрудились вокруг них плотной толпой, пахнущей чесноком и луком, белки их глаз ярко сверкали на коричневых лицах. Они накинули на шею единорогу веревку, за-

брали меч короля и связали ему руки за спиной. Один из тархистанцев — он носил шлем вместо тюрбана и, вероятно, был начальником

— сорвал с головы Тириана золотой обруч и поспешно спрятал его в своей одежде. Они повели пленников наверх, туда, где был расчищен большой участок леса. И вот что увидели пленники.

На вершине холма, в центре расчищенного участка стояла похожая на хлев маленькая хижина с тростниковой крышей. Дверь была заперта. На траве перед-дверью сидел Обезьян. Тириан и Алмаз, которые ожидали увидеть Аслана и еще ничего не слышали про Обезьяна, были сбиты с толку. Обезьян был, конечно, сам Хитр, но выглядел он куда более важным, чем у Котелкового озера, ведь теперь он был одет. На нем был алый жилет, сидевший не слишком хорошо, потому что был сшит на гнома. На задних лапах у него были шлепанцы, расшитые драгоценными камнями. Одеты они были не совсем правильно: как вы знаете, задние лапы у обезьян все равно, что руки. На голове у него было нечто, похожее на бумажную корону. Позади лежала огромная груда орехов, он щелкал их и сплевывал скорлупки, и к тому же все время задира л жилет, чтобы почесаться. Огромная толпа говорящих зверей стояла перед ним, и все выглядели ужасно обеспокоенными и смущенными. Звери застонали и заохали, когда увидели пленников.

— О, лорд Хитр, глашатай Аслана, — произнес главный тархистанец, — мы привели двух пленников. Благодаря нашему уменью и отваге, и с позволения великой богини Таш, мы взяли живыми двух отчаянных убийц.

— Дайте мне меч человека, — сказал Обезьян. Они взяли меч короля и дали его Обезьяну вместе с перевязью. Он обмотал ее вокруг шеи и стал выглядеть еще глупее, чем прежде.

— Мы разберемся с этими двумя попозже, — продолжал Обезьян, сплевывая скорлупу в сторону пленников. — Сначала я должен заняться другими делами. Они могут подождать. А теперь слушайте меня все. Первое, о чем я хочу сказать — это орехи. Где Главная Белка?

— Здесь, сэр, — сказала белка с красноватой шкуркой, выходя вперед и нервно кланяясь.

— А, это ты, — сказал Обезьян с противной усмешкой. Теперь слушай меня внимательно. Я хочу, я имею в виду, Аслан хочет, получать орехи. Того, что вы принесли недостаточно, надо принести больше, слышишь? Вдвое больше.

И орехи должны быть здесь завтра до заката солнца; плохие и маленькие не нужны.

Испуганное ворчание послышалось среди белок. Главная Белка набралась храбрости и сказала:

— Пожалуйста, пусть Аслан сам скажет нам об этом. Если бы нам было разрешено увидеть его...

— Может быть, он будет так добр, что выйдет к вам на минутку вечером, — сказал Обезьян, — хотя вы этого и не заслужили. Тогда все смогут увидеть его. Но вы не должны толпиться вокруг и докучать ему своими вопросами. Все, что вы хотите сказать, передавайте через меня — если я решу, что этим стоит его беспокоить. А пока вы, белки, лучше бы занялись орехами. И доставьте их сюда до завтрашнего вечера, или, даю слово,, вы поплатитесь за это.

Бедные белки рванулись прочь, как будто за ними гнались собаки. Это новое приказание было ужасно. Орехи, заботливо припасенные на зиму, были уже почти съедены, а из того немногого, что осталось, они отдали Обезьяну гораздо больше, чем могли.

Из толпы послышался низкий голос, принадлежавший косматому кабану с огромными клыками:

— Почему нам нельзя разглядеть Аслана как следует и поговорить с ним? Когда он в давние дни приходил в Нарнию, каждый мог разговаривать с ним.

— Не верьте этому, — сказал Обезьян. — Даже если так и было раньше, времена изменились. Аслан сказал, что был слишком мягок с вами. Он не собирается быть таким же на этот раз. Он призовет вас к порядку. Он покажет вам как считать его ручным львом! Стон и хныканье раздался в толпе зверей, а потом наступило мертвое молчание, и оно было еще страшнее.

— А теперь еще одно, что вы должны выучить, — сказал Обезьян. — Я слышал, что некоторые из вас говорят, что я обезьяна. Я человек. Если я похож на обезьяну, то только потому, что очень стар. Мне сотни и сотни лет. Поскольку я так стар, я мудр. И поскольку я так мудр, я единственный, с кем Аслан будет говорить. Он не может беспокоить себя, разговаривая с толпой глупых животных. Он скажет мне, что вам надлежит делать, а я скажу вам. Послушайте моего совета, делайте все вдвое быстрее, чем обычно, ибо он не потерпит всякой чепухи.

Стояло мертвое молчание. Был слышен только плач молоденького барсука, которого пытались успокоить мать.

— И еще одно, — продолжал Обезьян, закинув свежий орех за щеку. — Я слышал, что некоторые лошади говорят: «Давайте работать быстрее, чтобы перетащить все бревна и снова стать свободными». Вы можете выбросить эту идею из головы. И не только лошади. Все, кто могут работать, будут работать и дальше. Аслан договорился обо всем с царем Тархистана, Тисроком, как его называют наши темнолицые друзья. Все лошади, буйволы и ослы будут посланы на работу в Тархистан: таскание тяжестей и перевозка грузов все, чем лошади и им подобные занимаются в других странах. А те, кто умеет рыть — кроты и кролики, а также гномы, пойдут работать в шахты Тисрока. И...

— Нет, нет, нет, — завывли звери. — Этого не может быть. Аслан никогда не посылал нас в рабство к царю Тархистана.

— Ничего подобного! Прекратите шум! — прорычал Обезьян. — Кто говорит о рабстве? Вы не будете рабами. Вам будут платить — и очень хорошо платить. То, что вы заработаете пойдет в казну Аслана и будет использовано для всеобщего блага. — Затем он подмигнул начальнику тархистанцев. Тот поклонился и отвечал в торжественной тархистанской манере:

— Мудрейший глашатай Аслана, Тисрок, да живет он вечно, полностью согласен с этим разумнейшим планом, предложенным вашей светлостью.

— Вот! Вы видите! — сказал Обезьян. — Все в порядке. Это для вашего же блага. С деньгами, которые вы заработаете, мы превратим Нарнию в страну, достойную живущих в ней. В ней будет довольно апельсинов и бананов, будут дороги, большие города и школы, конторы и корабли, намордники, седла и клетки, конуры, тюрьмы и все остальное.

— Но нам не нужно все это, — сказал старый медведь. Мы хотим быть свободными. Мы хотим услышать, что Аслан скажет сам.

— Не надо спорить, — ответил Обезьян. — Я еще не кончил. Я человек, а ты только жирный, глупый, старый мишка. Что ты знаешь о свободе? Ты думаешь, свобода — это делать все, что тебе нравится. Нет, ты не прав. Это не настоящая свобода. Настоящая свобода — делать то, что я тебе скажу.

— М-м-м, — проворчал медведь и поскреб голову, думая, что, это слишком трудно для понимания.

— Пожалуйста, пожалуйста, — прозвучал тонкий голосок курчавого ягненка, который был так юн, что все удивились, как он вообще осмелился заговорить.

— Это еще что? — сказал Обезьян. — Говори, но побыстрее.

— Скажите, — продолжал ягненок, — я не могу понять, почему мы должны работать с тархистанцами. Мы принадлежим Аслану. Они принадлежат Таш. У них есть богиня, которую они называют Таш. Они говорят, что у нее четыре руки и голова грифа. Они убивают людей на ее алтаре. Я не верю, что она существует, но если даже она есть, как может Аслан дружить с ней?

Все животные вскинули головы, и их горящие глаза уставились на Обезьяна. Они поняли, что это именно тот вопрос, который надо было задать.

Обезьян подскочил и легонько хлопнул ягненка по спине.

— Ребенок! — прошипел он. — Глупый маленький ребенок! Иди домой к маме и пей молочко. Что ты понимаешь в таких вещах? А вы, остальные, слушайте. Таш это только другое имя Аслана. Старая сказка о том, что мы правы, а тархистанцы — нет, глупа. Теперь мы поумнели. Тархистанцы пользуются другими словами, но все мы имеем в виду одно и то же. Таш и Аслан — это только два различных имени — вы сами знаете Кого, поэтому между ними никогда не было поводов к раздорам. Вбейте это в свои головы, глупые скоты. Таш — это Аслан, Аслан — это Таш.

Вы знаете, какой грустной может быть иногда морда собаки. Подумайте об этом, и вы сможете представить, как выглядели говорящие звери: честные, покорные, удивленные птицы, медведи, барсуки, кролики, кроты и мыши.

Только они были еще грустнее. Хвосты были опущены вниз, усы обвисли. Ваше сердце разбилось бы от жалости, если бы вы увидели их морды. И только один зверь не выглядел несчастным.

Это был крупный рыжеватый кот в расцвете сил, сидевший очень прямо, с хвостом, обвитым вокруг лап, в первом ряду. Все это время он пристально смотрел на Обезьяна и начальника тархи-

станцев и часто сверкал глазами.

— Извините меня, — сказал кот очень вежливо, — но вот, что меня интересует. Ваш друг из Тархистана говорит то же самое?

— Несомненно, — сказал тархистанец, — просвещенный Обезьян — человек, я имел в виду, прав. Аслан значит не менее и не более, чем Таш.

— А главным образом, Аслан значит не более чем Таш? — проговорил кот.

— Не более, — ответил тархистанец, глядя прямо в глаза коту.

— Тебе это достаточно. Рыжий? — спросил Обезьян.

— Несомненно, — ответил Рыжий холодно. — Благодарю вас. Я только хотел, чтобы все было совершенно ясно. Я думаю, что начинаю понимать.

До этого момента король и единорог молчали, они ждали, пока Обезьян предложит им говорить, потому что понимали, что прерывать его бесполезно. Но теперь, когда Тириан увидел вокруг себя несчастные лица нарнийцев, увидел, что они верят тому, что Аслан и Таш — одно и то же, он не мог больше сдерживаться.

— Обезьян, — закричал он страшным голосом, — ты лжешь. Ты лжешь отвратительно. Ты лжешь, как тархистанец. Ты лжешь, как обезьяна.

Он хотел продолжать и спросить, как ужасная богиня Таш, питающаяся кровью своего народа, может быть тем же самым, что и добрый Лев, чья кровь спасла всю Нарнию.

Если бы ему дали говорить, правление Обезьяны могло бы кончиться в тот же день: звери увидели бы правду и свергли его. Но до того как Тириан успел сказать еще хоть слово, два тархистанца сильно ударили его по лицу, а третий, стоявший сзади, ударил его ногой. Когда он упал, Обезьян завизжал в ужасе:

— Уберите его прочь! Уберите его прочь! Уберите его туда, где он не сможет слышать нас, а мы — его! Привяжите его к дереву. Я хочу, я имею в виду, Аслан хочет, судить его позже.

Глава 4. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ЭТОЙ НОЧЬЮ

У короля после падения кружилась голова, и он с трудом понимал, что происходит, пока тархистанцы, прижав ему руки к бокам, привязывали его спиной к ясеню. Затем они примотали к дереву его лодыжки и колени, талию и грудь, и так оставили. Больше всего Тириана беспокоило (ибо самое незначительное может оказаться самым тяжелым), что губа кровоточила от удара, и он не мог стереть тоненькую щекочущую струйку крови.

С этого места ему был виден маленький хлев на вершине холма и сидящий перед ним Обезьян. До него даже доносился голос Обезьяны и иногда ответы из толпы, но слов он разобрать не мог.

«Что они сделают с Алмазом?» — подумал король.

В этот момент толпа животных распалась, и они начали разбегаться в разные стороны. Те, кто оказывались близко от Тириана, смотрели на него со страхом и жалостью, но не решались произнести ни слова. Вскоре все разошлось и молчание воцарилось в лесу. Проходили часы за часами, и Тириану сначала захотелось пить, а потом есть. И когда медленно тянувшийся день кончился и наступил вечер, ему стало холодно. Спина у него горела. Солнце село, начались сумерки.

Когда стемнело окончательно, Тириан услышал топанье крошечных ножек и увидел, что к нему приближаются маленькие зверюшки. Слева были три мыши, посередине кролик, справа два крота. Все они тащили на спинах сумочки, и это придавало им в темноте такой забавный вид, что в первый момент он не мог понять, какие это звери. Затем они все встали на задние лапки, дотронулись до него холодными передними и поцеловали, сопя, колени Тириана (они дотягивались до колен, потому что мелкие говорящие звери в Нарнии крупнее, чем их немые собратья в Англии).

— Государь, дорогой государь, — раздалась пронзительные голоса, — нам так жаль тебя. Мы не осмеливаемся развязать веревки, потому что Аслан может рассердиться на нас. Но мы принесли тебе ужин.

Первая мышь стала проворно карабкаться вверх, пока не уселась на веревке, идущей вокруг груди Тириана, и сморщила свой тупой носик прямо перед его лицом. Вторая мышь повисла под первой. Другие стояли на земле и передавали наверх разные предметы.

— Попейте, сир, тогда вы сможете поесть, — сказала первая мышь, и Тириан почувствовал, что к его губам поднесли маленькую деревянную чашку. Она была размером с подставку для яиц,

и он даже не распробовал вино, прежде чем она опустела. Затем мышь спустила чашку вниз, другие наполнили ее, снова протянули наверх, и Тириан осушил ее во второй раз. Так и повторяли, пока он не утолил жажду, потому что лучше пить маленькими порциями — это быстрее утоляет жажду, чем один длинный глоток.

— Здесь сыр, государь, — сказала первая мышь, — но не очень много, потому что вам снова захочется пить. — После сыра они накормили его овсяным печеньем и свежим маслом, а потом дали еще немножко вина.

— Теперь передайте наверх воду, — сказала первая мышь, — я умою лицо короля, оно все в крови.

Тириан почувствовал, как крошечная губка обмывает лицо, и это очень его освежило.

— Маленькие друзья, — сказал Тириан, — как я могу отблагодарить вас за все?

— Нет нужды, нет нужды, — ответили тоненькие голоса. Что мы еще можем сделать? Мы не хотим другого короля, мы твои подданные. Если против тебя были бы только Обезьян и тархистанцы, мы сражались бы до тех пор, пока нас не изрезали бы на куски, прежде чем позволили связать тебя. О, как бы мы боролись! Но мы не можем идти против Аслана.

— Вы думаете, что это действительно Аслан? — спросил король.

— О, да, да, — сказал кролик. — Он вышел из Хлева прошлой ночью. Мы видели его.

— На кого он похож? — спросил король.

— На ужасного, огромного льва, будь уверен, — ответила одна из мышей.

— Вы думаете, что убивший нимф деревьев и сделавший вас рабами царя тархистанцев, действительно Аслан?

— Ах, как это ужасно, — сказала вторая мышь. — Уж лучше бы мы умерли до того, как все это началось. Но нет сомнения, все говорят, что таков приказ Аслана. И мы видели его. Мы не думали, что Аслан такой. Мы... мы хотели, чтобы он вернулся в Нарнию.

— Похоже, что на этот раз он вернулся очень сердитый, сказала первая мышь. — Должно быть, мы, сами того не зная, сделали что-то ужасное. Он должен наказать нас за что-то. Но я думаю, что мы узнаем за что!

— Не верю, что сейчас мы делаем что-то неправильное, сказал кролик.

— Неважно, пусть даже и так, — добавил один из кротов. Я бы сделал все то же снова.

Но другой произнес: «Тише!» и «Будьте внимательны!», а затем все они сказали:

— Просим прощения, дорогой король, теперь мы должны вернуться назад. Что хорошего, если нас здесь поймают.

— Оставьте меня, дорогие звери, — сказал Тириан. — Даже ради всей Нарнии я не хочу подвергать кого-нибудь из вас опасности.

— Доброй ночи, доброй ночи, — пропищали зверюшки и потерлись носами о его колени. — Мы вернемся назад — если сможем. — Они засемили прочь, и лес стал казаться еще более темным, холодным и пустынным, чем до их прихода.

Взошли звезды, и время текло медленно — вы можете представить себе, как медленно — пока последний король Нарнии оставался в узах, одеревеневший и измученный, вынужденный все время стоять прямо. И наконец что-то произошло.

Вдали показался красноватый свет. Он пропал на минуту и появился снова, став куда больше и ярче. Тириан увидел темные тени, движущиеся взад и вперед. Они приносили вязанки хвороста и сбрасывали их. Он знал теперь, что он видит. Это был только что зажженный костер и все кидали в него хворост. Внезапно костер вспыхнул, и Тириан увидел, что он зажжен на самой верхушке холма. Он отчетливо увидел Хлев позади костра, весь в красных отблесках огня, и огромную толпу животных и людей между огнем и собой.

Маленькая фигурка, сгорбившаяся позади огня, должно быть был Обезьян. Он что-то говорил толпе, но Тириан не слышал, что именно. Затем он подошел к Хлеву и трижды склонился до земли перед дверью. Затем выпрямился и открыл дверь. И кто-то на четырех ногах — кто-то двигавшийся довольно неуклюже — вышел и стал лицом к толпе.

Раздался страшный вой, такой громкий, что Тириан мог слышать отдельные слова:

— Аслан! Аслан! Аслан! — кричали звери. — Говори с нами. Утешь нас. Не сердись на нас больше.

С того места, где он был привязан, Тириан не мог ясно видеть, кто это был: но он видел, что этот кто-то — желтый и с густой шерстью. Он никогда не видел Великого Льва, он вообще не ви-

дел львов и не мог быть уверен, что тот, кого он видит, не настоящий Аслан. Он не ожидал, что Аслан выглядит как неуклюжий зверь, который стоит и ничего не говорит. Но кто мог знать наверняка! На минуту ужасная мысль пронзила его мозг. Затем он вспомнил всю чушь о том, что Таш и Аслан — одно и то же, и понял, что это мошенничество.

Обезьян приблизил голову к голове желтого существа, как будто слушая то, что оно шептало ему. Затем повернулся и крикнул что-то толпе. Толпа опять взвыла. Желтое существо неуклюже повернулось и пошло — лучше сказать, зашагало вперевалочку — назад в Хлев, и Обезьян запер за ним дверь. После этого костер, должно быть, был потушен, так как свет внезапно исчез, и Тириан снова остался один в холоде и мраке.

Он думал о других королях, которые жили и умирали в Нарнии в старые времена, и ему казалось, что ни один из них не был так несчастен. Он думал о прадеде своего прадеда короле Рилиане, который юным принцем был украден Колдуньей и заключен на долгие годы в темную пещеру, лежащую под землями северных великанов. Но все кончилось хорошо, ибо внезапно из страны, находящейся за краем мира, появились двое таинственных детей и освободили его. Он вернулся домой в Нарнию и долго и успешно правил. «Это не то, что со мной», — сказал Тириан самому себе.

Потом он подумал об отце Рилиана — Каспиане Мореплавателе, которого пытался убить его злой дядя — король Мираз.

Каспиан бежал в леса и жил среди гномов. Но и эта история кончилась хорошо, потому что Каспиану тоже помогли дети, только на этот раз их было четверо. Они пришли откуда-то из другого мира, выиграли великую битву и посадили Каспиана на отцовский трон. «Но это было давным-давно, сказал Тириан самому себе, — теперь такого не бывает». А затем он вспомнил (ибо он хорошо учил историю, когда был мальчиком), что те же самые дети, что помогли Каспиану, уже были в Нарнии за тысячу лет до него. И тогда они сделали самое замечательное дело — победили злую Белую Колдунью, и в Нарнии закончилась многовековая зима. После этого они царствовали (все четверо вместе) в Кэр-Паравеле до тех пор, пока не выросли и не стали великими королями и прелестными королевами. Их царствование было Золотым веком Нарнии. Аслан приходил тогда множество раз. И в других преданиях говорилось, что он приходил множество раз, вспомнил Тириан. «Аслан — и дети из другого мира, — подумал Тириан. — Они всегда приходят, когда происходит что-то ужасное. О, если бы они пришли теперь.»

И он позвал: «Аслан! Аслан! Аслан! Приди и помоги нам».

Но темнота, холод и тишина оставались прежними.

— Пусть я буду убит, — воскликнул король. — Я не прошу ничего для себя, но приди и спаси всю Нарнию! Еще ничего не произошло с ночью и лесом, но что-то начало меняться в самом Тириане. Сам не зная почему, он почувствовал слабую надежду. И сам стал как-то сильнее.

— О, Аслан, Аслан, — прошептал он. — Если ты не придешь сам, по крайней мере пошли мне помощников из другого мира. Или позволь мне позвать их. Пусть мой голос проникнет в другой мир. — Сам не понимая, почему так делает, он внезапно воскликнул громким голосом:

— Дети! Дети! Друзья Нарнии! Быстрее. Придите ко мне. Через миры зову я вас — я, Тириан, король Нарнии, лорд Кэр-Паравела и император Одиноких Островов.

И тотчас же он погрузился в сон (если это был сон), более живой, чем все остальное в его жизни.

Ему показалось, что он стоит в освещенной комнате, где вокруг стола сидят семеро людей. Похоже было, что они только что кончили ужинать. Двое из них были очень стары: старик с белой бородой и старая женщина с мудрыми, веселыми, сверкающими глазами. Тот, кто сидел по правую руку от старика, был молод, явно моложе Тириана, но его лицо было лицом короля и воина. То же самое можно было сказать и о другом юноше, сидевшем по правую руку от старой женщины. Лицом к Тириану сидела светловолосая девушка, немного моложе юношей, а по обеим сторонам от нее мальчик и девочка еще младше. Их одежда показалась Тириану очень странной.

Но у него не было времени обдумывать такие детали, потому что внезапно трое младших вскочили на ноги, и девочка даже вскрикнула. Старая женщина, задыхаясь, тоже поднялась. Старик сделал внезапное движение, и стакан с вином, стоявший справа от него, свалился со стола. Тириан услышал звяканье осколков.

Тириан понял, что они видят его — они уставились на него, как на привидение. И еще он отметил, что юноша с лицом короля не двинулся (хотя побледнел), а только крепче сжал руки. За-

тем он сказал:

— Говори, если ты не фантом или сон. Ты выглядишь как нарниец, а мы — семь друзей Нарнии.

Тириан ужасно хотел заговорить. Он пытался громко крикнуть, что он, Тириан Нарнийский, нуждается в помощи. Но понял (как мы иногда понимаем во сне), что они не слышат ни звука.

Юноша, говоривший с ним, поднялся на ногу и сказал, устремляя глаза на Тириана:

— Тень или дух, или кто бы ты ни был, если ты из Нарнии, именем Аслана заклинаю, говори со мной. Я Питер, Верховный Король.

И тут комната поплыла перед глазами Тириана. Он слышал, как голоса людей становились все слабее и слабее с каждой секундой. Они говорили: «Смотри! Оно исчезло», «Растаяло», «Пропало». В следующий момент он очнулся, привязанный к дереву, замерзший и еще более одеревеневший. Лес был полон бледного, мрачного света, как всегда перед восходом солнца. Тириан весь промок от росы. Близилось утро. И это пробуждение было худшим в его жизни.

Глава 5. КАК К КОРОЛЮ ПРИШЛА ПОМОЩЬ

Но его страдания кончились. Внезапно раздался глухой удар, затем второй, и двое детей очутились перед ним. За секунду до этого лес был совершенно пуст, он знал, что они не могли выйти из-за дерева — он бы услышал. Они просто возникли ниоткуда. С первого взгляда он заметил, что одеты они в те же самые странные темные одежды, что и люди из сна. Поглядев внимательно, он понял, что это младшие мальчик и девочка из тех семерых.

— Ну и ну, — сказал мальчик, — дух замирает. Я думаю...

— Поторопись и развяжи его, — прервала его девочка, — мы успеем поговорить после. — Потом она добавила, поворачиваясь к Тириану: — Я прошу прощения, что мы так долго, мы оправились, как только смогли.

Пока она говорила, мальчик достал из кармана нож и быстро разрезал веревки, которыми был связан король. Король, который настолько одеревенел и застыл, что не мог стоять, упал на колени, как только последняя веревка была перерезана. Он не мог подняться, пока не растер хо-рошенько ноги.

— Это вы появились перед нами в тот вечер, когда мы все вместе ужинали?

— спросила девочка. — Около недели назад?

— Недели, прекрасная девица? — удивился Тириан. — Мой сон привел меня в ваш мир не более десяти минут назад.

— Это обычная неразбериха со временем, Джил, — сказал мальчик.

— Я вспоминаю теперь, что такое описывается в старых легендах. Время вашей странной земли отлично от нашего. Но если мы говорим о времени, то пора уйти отсюда: мои враги поблизости. Вы пойдете со мной?

— Конечно, — ответила девочка. — Ведь мы пришли помочь вам.

Тириан поднялся на ноги и быстро повел их вниз с холма, на юг, прочь от Хлева. Он хорошо знал, куда собирался идти. Но он хотел, во-первых, пройти по каменистой местности, чтобы не оставлять следов, и во-вторых, пересечь какой-нибудь ручей, чтобы не оставить запаха. Около часа они продирались, протискивались, пересекали вброд ручьи, и у них не хватало дыхания на разговоры. Но и в это время Тириан украдкой разглядывал своих спутников. От прогулки в обществе существ из другого мира возникало легкое головокружение, и все старые легенды становились куда более реальными, чем ему раньше казалось... все могло произойти теперь.

— А сейчас, — сказал Тириан, когда они вышли к маленькой долине, расстилавшейся среди молодых буков, — на какое-то время эти злодеи нам не опасны, и мы можем идти помедленнее.

Солнце уже взошло, капли росы сверкали -на каждой ветке, птицы начали петь.

— Как насчет жратвы? Я имею в виду вас, сэр, мы уже позавтракали, — уточнил мальчик.

Тириан не понял, что он имел в виду под этим словом, но когда мальчик открыл набитый ранец, который нес с собой, и вытащил из него довольно грязный и замасленный пакет, догадался. Он был ужасно голоден, хотя и не вспоминал об этом раньше. В пакете оказались два сэндвича с сыром, два с крутыми яйцами и два с каким-то паштетом. Если бы он не был так голоден, то обратил бы больше внимания на паштет, потому что еще никто в Нарнии не ел такого. Пока он съел все шесть сэндвичей, они спустились в долину и обнаружили покрытую мхом скалу, из которой

бил маленький родник. Все трое остановились, напились воды и ополоснули разгоряченные лица.

— А теперь, — девочка откинула со лба мокрые волосы, не пора ли рассказать, кто вы и почему были привязаны, и что все это значит.

— С большим удовольствием, девица, — ответил Тириан, но мы должны продолжить путь. — И он на ходу рассказал им, что с ним произошло.

— Теперь, — добавил он под конец, — я собираюсь найти одну из трех башен, построенных во времена моих предков для защиты равнины Фонарного столба от обитавших здесь разбойников. По воле Аслана, мои ключи не были украдены. В башне мы найдем оружие, кольчуги и какое-нибудь продовольствие, хотя бы сухие бисквиты. Кроме того, мы сможем укрыться там, пока будем обсуждать наши планы. А теперь прошу, расскажите мне, кто вы и какова ваша история.

— Я Юстэс Вред, а это. Джил Поул, — начал мальчик. — Мы уже были здесь однажды много-много лет тому назад. Больше года по нашему времени. Здесь был парень, которого звали принц Рилиан, и они держали его в подземелье, и квакль Хмур подставил ногу...

— Ха, — воскликнул Тириан, — так вы тот самый Юстэс и та самая Джил, которые освободили короля Рилиана от чар?

— Да, это мы, — сказала Джил, — так он теперь король Рилиан? Конечно, он должен был стать королем, я забыла...

— Ну, — произнес Тириан, — я седьмой в династии после него. Он умер две сотни лет тому назад.

Джил переменялась в лице:

— Ну-ну, это самое ужасное при возвращении в Нарнию.

Но Юстэс продолжал:

— Теперь вы знаете, кто мы, ваше величество. Все было так. Профессор и тетя Полли собрали нас, всех друзей Нарнии вместе...

— Я не знаю этих имен, Юстэс, — прервал его Тириан.

— Это те, кто пришли в Нарнию в самом начале, в тот день, когда животные научились говорить.

— Клянусь Львиной Гривой, — воскликнул Тириан. — Те двое! Лорд Дигори и леди Полли, видевшие зарю мира! И они еще живы в вашем мире? Честь и слава этому! Но рассказывайте, рассказывайте.

— Знаете ли, она не настоящая наша тетя, — сказал Юстэс, — она мисс Пламмер, но мы называем ее тетя Полли. Эти двое собрали нас вместе, ну, чтобы повеселиться и поболтать о Нарнии (ведь нет никого другого, с кем мы могли бы разговаривать об этих вещах), но еще и потому, что профессор чувствовал, что мы хотим сюда. А когда вы появились перед нами как привидение или Бог знает что, испугали до потери сознания и исчезли, не сказав ни слова, мы поняли — что-то случилось. Стал вопрос, как попасть сюда. Мы не можем сделать это просто по собственному желанию.

Мы долго обсуждали, и наконец, профессор сказал, что единственный путь

— волшебные кольца, при помощи которых он и тетя Полли много-много лет тому назад, когда они еще были детьми, а мы даже не родились, оказались здесь.

Но кольца были закопаны в саду дома в Лондоне (это такой большой город, сир), а дом продан. Проблема была в том, как достать их. Вы никогда не угадаете, что мы в конце концов сделали! Питер и Эдмунд (тот, кто говорил с вами, это Верховный Король Питер) поехали в Лондон, чтобы проникнуть в сад с черного хода рано утром, до того, как люди встанут. Они были одеты как рабочие, так, что если бы кто-нибудь увидел их, то подумал, что они пришли чи-« нить водопровод. Мне хотелось быть с ними: это, наверно, было ужасно смешно. Им все удалось, потому что на следующий день Питер прислал телеграмму — это такая записка, сир, я объясню вам в другой раз — что взял кольца. Через день Джил и я должны были вернуться в школу. Мы единственные, кто еще ходит в школу, и мы учимся вместе. Питер и Эдмунд собирались встретиться с нами по дороге и передать кольца. Только мы двое могли попасть в Нарнию, остальные уже выросли. Мы сели в поезд — это такая штука, при помощи которой люди путешествуют в нашем мире: множество вагонов, сцепленных вместе — и профессор, и тетя Полли, и Люси сели с нами. Мы хотели быть вместе как можно дольше. Так вот, мы были в поезде, и еще только подъезжали к станции, где нас ждали остальные, и я выглянул в окно посмотреть, не видно ли их, когда внезапно все почувствовали резкой толчок и услышали шум: и мы очутились здесь в Нарнии и увидели

вас, ваше величество, привязанным к дереву.

— Так вы и не воспользовались кольцами? — спросил Тириан.

— Нет, — ответил Юстэс, — мы даже не видели их. Аслан сделал это сам без помощи колец.

— Они остались у Верховного Короля Питера, — сказал Тириан.

— Да, — подтвердила Джил, — но не думаю, что он может воспользоваться ими. Когда двое других Пэвэнси, король Эдмунд и королева Люси, были здесь последний раз, Аслан сказал, что они никогда не вернутся в Нарнию. Раньше он говорил то же самое Верховному Королю. Вы можете быть уверены, что он бы очень охотно вернулся, если бы ему разрешили.

— Ну-ну, — сказал Юстэс, — на солнце становится жарко. Мы уже близко, сир?

— Посмотри, — сказал Тириан и протянул руку. В нескольких ярдах от них над верхушками деревьев поднимались серые зубцы, и через минуту они вышли на открытую поляну. Поляну пересекал ручей, а за ручьем стояла приземистая квадратная башня с многочисленными узкими окошками и тяжелой дверью в стене, против которой они стояли.

Тириан внимательно огляделся, чтобы удостовериться, что вокруг нет врагов. Затем он подошел к башне и остановился на минутку, чтобы вытащить связку ключей, которую носил под охотничьей одеждой на тонкой серебряной цепочке. Это была чудная связка. Два ключа были золотые, другие — богато украшены: несомненно, это были ключи от важных и секретных комнат в замках, или от сундуков и шкапулов из сладко пахнущего дерева, в которых хранились королевские сокровища. Но ключ, который Тириан вложил в замок сейчас, был больше, проще и сделан грубее. Замок заржавел и на мгновение Тириан испугался, что не сможет повернуть ключ, но тут дверь открылась с глухим скрипом.

— Добро пожаловать, друзья, — сказал Тириан, — боюсь, что это лучший из замков, которые король Нарнии может предложить своим гостям.

Двое незнакомцев были хорошо воспитаны, что порадовало Тириана. Они сказали, что это не важно и они уверены, что все будет прекрасно.

По правде говоря, ничего особенно прекрасного не было.

Было довольно темно и пахло сыростью. Одно внутреннее помещение, каменная крыша. Деревянные ступени в углу вели к люку, через который можно было попасть к зубцам.

В башне было несколько грубых скамей для сна и множество шкафчиков и узлов. Очаг выглядел так, будто никто не зажигал в нем огня в течение многих лет.

— Мы пойдем и соберем хворост? — спросила Джил.

— Еще не сейчас, дружок, — ответил Тириан. Он не хотел, чтобы их захватили безоружными и начал открывать шкафчики, с благодарностью вспоминая, как заботливо проверял гарнизонные башни каждый год, чтобы быть уверенным, что они снабжены всем необходимым. Тетивы были в чехлах из промасленного шелка, мечи и пики смазаны, чтобы не ржавели. Все вооружение ярко блестело. Но было и кое-что получше. .

— Смотрите! — Тириан вытащил длинную кольчугу необычного вида и расстелил ее перед детьми.

— До чего смешно выглядит эта кольчуга, сир, — сказал Юстэс.

— Да, парень, — ответил Тириан, — ее ковали не нарнийские гномы. Это кольчуга тархистанцев, чужеземная одежда. Я держал несколько штук в готовности, потому что ни кто не знал, когда мне и моим друзьям захочется прогуляться незамеченными по стране Тисрока. Посмотрите на эту каменную бутылку. В ней жидкость, которую можно втереть в лицо и руки, и стать коричневыми, как тархистанцы.

— Ура! — закричала Джил. — Переодевание! Я обожаю переодевания.

Тириан показал им, как взять немного жидкости на ладонь и как втирать ее в лицо и шею по плечи и в руки до локтей. Сам он сделал то же самое.

— Когда она застынет, нам не страшно даже умывание. Ничто, кроме смеси масла и пепла, не сделает нас снова светлокожими нарнийцами. А теперь, дорогая Джил, позволь взглянуть, как тебе подойдет эта кольчуга. Она немножко длинна, хотя и не так сильно, как я боялся. Без сомнения, она принадлежала пажу из свиты тархана.

Кроме кольчуг они надели тархистанские шлемы, круглые, плотно облегающие голову с острием на верхушке. Затем Тириан достал из шкафчика сверток с белой материей и стал наматывать ее поверх шлема, до тех пор пока тот не превратился в тюрбан, но маленькое стальное острие было видно в середине. Он и Юстэс взяли кривые тархистанские ятаганы и маленькие круглые

щиты. Для Джил не нашлось достаточно легкого меча, и Тириан дал ей длинный прямой охотничий нож: в случае необходимости им можно было действовать как мечом.

— Умеешь ли ты обращаться с луком, девица? — спросил Тириан.

— Не стоит говорить об этом, — ответила Джил, краснея. Вред умеет неплохо.

— Не верьте ей, сир, — заметил Юстэс, — мы оба занимались стрельбой из лука с тех пор как вернулись из Нарнии. И она теперь стреляет так же, как я. Конечно, это не значит, что мы оба уж очень хорошие стрелки.

Тогда Тириан дал Джил лук и колчан, полный стрел. Потом нужно было зажечь огонь, потому что внутри башни они чувствовали себя как в пещере и все время дрожали. Но они согрелись, пока собирали дрова — солнце было в зените — а когда пламя заревело в трубе, стало куда веселее. Обед, однако, был скудным, лучшее, что они могли приготовить это растолочь сухие бисквиты, найденные в шкафчике и всыпать их, как крупу, в кипящую воду. Конечно, для питья была только вода.

— Надо было захватить пачку чаю, — сказала Джил.

— Или жестянку с какао, — отозвался Юстэс.

— Было бы недурно иметь по бочонку доброго вина в каждой из этих башен,

— заметил Тириан.

Глава 6. ОТЛИЧНАЯ НОЧНАЯ РАБОТА

Только через четыре часа Тириан бросился на скамейку, чтобы немножко поспать. Дети уже давно мирно посапывали. Тириан рано отправил их спать, потому что знал, что ночью предстоит много дел, а в их возрасте трудно обходиться без сна. Кроме того, они устали: во-первых, он дал Джил несколько уроков стрельбы из лука и обнаружил, что хотя и не по нарнийским стандартам, но стреляет она довольно неплохо. Она подстрелила кролика (не говорящего, конечно, в западной Нарнии водилось множество обыкновенных зверей), а потом освежевала его, выпотрошила и подвесила. Тириан обнаружил, что дети отлично справляются с такой работой; они научились этому, путешествуя по стране великанов во времена принца Рилиана. Сам Тириан очень устал, пока учил Юстэса пользоваться мечом и щитом. Юстэс многое узнал об обращении — с мечом во время своих первых путешествий в Нарнии, но то был прямой нарнийский меч, а кривого тархистанского ятагана Юстэсу никогда, не приходилось держать в руках. Это затрудняло дело, потому что большинство приемов сильно отличалось, а многое из того, что он знал, пришлось забыть. Упражняясь с Юстэсом, Тириан увидел, что у него верный глаз и быстрые ноги. Он удивился силе детей: действительно, оба казались сильнее и выносливей, чем несколько часов назад, когда он впервые их встретил. Нарнийский воздух часто действует так на посетителей из нашего мира.

Все трое решили, что первым делом они должны вернуться к холму, на котором стоит Хлев, и освободить единорога Алмаза. Потом, если первое предприятие окажется успешным, им нужно будет пробираться на восток, чтобы встретиться с маленькой армией, которую Рунвит должен вести из Кэр-Паравела.

Такой опытный воин и охотник, как Тириан, всегда может проснуться в нужное время, поэтому он приказал себе спать до девяти часов, потом выкинул все неприятности из головы и заснул. Казалось, прошла только секунда с тех пор, как он заснул, но проснувшись он понял, что точно рассчитал время. Он поднялся, надел шлем-тюрбан (спал он в кольчуге), затем начал расталкивать остальных. По правде говоря, дети выглядели довольно серыми и мрачными, когда, зевая, поднялись со скамей.

— Теперь, — сказал Тириан, — мы двинемся на север. На нашу удачу ночь звездная и путешествие будет короче, чем утром; тогда мы шли кругом, а сейчас двинемся напрямик.

Если нас окликнут, вы двое молчите, а я постараюсь говорить, как отвратительный, жестокий и гордый тархистанский вельможа. Если я обнажу меч, ты, Юстэс, должен сделать то же самое, а Джил пусть держится позади нас с луком на изготовку. Но если я крикну: «Домой!», летите оба к башне и не пытайтесь сражаться — ни одного удара после того, как я дам сигнал к отступлению: фальшивая доблесть губит прекрасные планы. А теперь, друзья, во имя Аслана, вперед! Они вышли в холодную ночь. Огромные северные звезды горели над верхушками деревьев. Северная звезда называется в Нарнии Наконечник Копья, и она ярче нашей Полярной Звезды.

Какое-то время они шли прямо по направлению, которое указывал Наконечник Копья, но

подойдя к густым зарослям, свернули, чтобы обойти их. После этого — они были еще в тени ветвей — трудно было найти нужное направление. Правильную дорогу указала Джил. В Англии она была отличным проводником и, конечно же, превосходно знала нарнийские звезды и могла найти нужное направление, ориентируясь по другим звездам, когда Наконечник Копья не был виден. Как только Тириан понял, что она лучше всех умеет выбирать направление, он пропустил ее вперед, и изумился, наблюдая, как тихо и совершенно незаметно она скользила перед ним. «

— Клянусь Гривой! — прошептал он Юстэсу. — Эта девочка — удивительная лесная нимфа; даже если бы в ней была кровь дриад, вряд ли она смогла бы двигаться лучше.

— Ей помогает маленький рост, — отозвался Юстэс, но Джил, обернувшись сказала: «Ш-ш-ш, меньше шума».

Лес вокруг был очень тих. По правде говоря, он был даже слишком тих. В обычную нарнийскую ночь в лесу всегда есть какой-нибудь шум — случайное веселое «Доброй ночи» ежа, крик совы над головой, звук флейты вдали, говорящий о танце фавнов, шелест, шум молотков гномов из-под земли. Но сейчас все молчало, угрюмость и страх царили в Нарнии.

Они начали подниматься круто вверх на холм, деревья там росли реже; Тириан уже мог различить хорошо знакомую верхушку холма и Хлев. Джил шла теперь все осторожней и осторожней. Она подала знак другим делать то же самое. Затем остановилась как вкопанная. Тириан увидел, как она без звука опустилась на траву и скрылась в ней.

Минутой позже она снова появилась и прошептала так тихо, как могла, прямо Тириану в ухо: «Ложись. Шмотри внимательней». Она сказала «ш» вместо «с» не потому, что шепелявила, а потому, что знала — свистящий звук «с» слышнее всего в шепоте. Тириан мгновенно лег, хотя он сделал это не так тихо, как Джил, потому что был старше и тяжелее. Пока они лежали, он увидел край холма прямо против усыпанного звездами неба. Две черные тени поднимались на его фоне: Хлев, и, в нескольких футах, тархистанский часовой. Он не следил за тем, что происходит вокруг: не ходил и не стоял, а сидел с пикой на плече, опустив подбородок на грудь. «Отлично», — сказал Тириан. Он узнал все, что хотел.

Они поднялись, и теперь Тириан взял на себя руководство. Очень медленно, с трудом сдерживая дыхание, они двинулись к маленькой группе деревьев, которая была не далее чем в сорока футах от часового.

— Ждите здесь, пока я не вернусь, — прошептал Тириан детям, — если мне ничего не удастся — бегите. — Затем он смело вышел на поляну, чтобы враг смог его увидеть. Заметив его, человек вздрогнул и вскочил на ноги: он испугался, что Тириан один из его начальников, и у него будут крупные неприятности из-за того, что он сидит на посту. Но до того, как он успел встать, Тириан упал перед ним на одно колено и сказал:

— Ты воин Тисрока, да живет он вечно? Радость моему сердцу встретить тебя среди этих зверей и дьяволов Нарнии. Дай мне руку, друг.

И раньше, чем тархистанский часовой понял, что произошло, его рука была крепко схвачена. В следующий момент он уже стоял на коленях, и кинжал касался его шеи.

— Один звук и ты умрешь, — прошептал ему на ухо Тириан. — Скажи мне, где единорог, и ты останешься жив.

— Позади Хлева, о, мой господин, — заикаясь, проговорил несчастный.

— Хорошо, встань и веди меня туда.

Когда часовой поднялся, острое кинжала по-прежнему касалось его шеи: холодное и щеко-чущее острие немного сместилось; Тириан шел позади него, удобно устроив кинжал под ухом. Трясаясь от страха, часовой обогнул Хлев.

Несмотря на темноту, Тириан сразу увидел белый силуэт Алмаза.

— Тс-с. Ни звука, ни ржання. Да, Алмаз, это я. Ты привязан?

— Они стреножили меня и привязали уздечкой к кольцу в стене Хлева, — слышался голос Алмаза.

— Стой здесь, часовой, спиной к стене. Так. Пожалуйста, Алмаз, направь свой рог в грудь тархистанцу.

— С удовольствием, сир, — ответил единорог.

— И если он двинется, пронзи ему сердце. — Тириан за несколько секунд перерезал веревки, а остатками их связал часового по рукам и ногам. Потом он заставил часового открыть рот, набил туда травы, подвязал подбородок так, чтобы тот не мог издать ни звука, и посадил спиной к стене.

— Я поступил с тобой немного жестоко, солдат, — сказал Тириан, — но это было необходимо. Если мы встретимся снова, может быть, это тебе зачтется. Теперь, Алмаз, пойдем потихоньку.

Он обнял единорога левой рукой за шею, нагнулся и поцеловал его в нос, и оба очень обрадовались. Так тихо, как могли, они подошли туда, где Тириан оставил детей. Между деревьями было еще темнее; они приблизились к Юстэсу, а тот даже не заметил их.

— Все хорошо, — прошептал Тириан, — отличная ночная работа. Теперь к дому.

Они повернулись и прошли уже несколько шагов, когда Юстэс сказал: «Где ты, Поул?», но ответа не было. «Разве Джил не рядом с вами, сир?» — спросил он.

— Что? — сказал Тириан, — я думал, что она рядом с тобой. Это был ужасный момент, они не осмеливались кричать и шептали ее имя самым громким шепотом, но ответа не было.

— Она ушла, пока меня не было? — спросил Тириан.

— Я не видел и не слышал, как она ушла, — ответил Юстэс, — но я мог бы и не заметить. Она умеет двигаться тихо, как кошка. Вы же сами видели.

В этот момент вдалеке послышался барабанный бой. Единорог наострил уши и сказал: «Гномы».

— Вероломные гномы, может быть враги, а может быть и нет, — проворчал Тириан.

— И еще приближается кто-то, у кого есть копыта, — сказал Алмаз, — и он много ближе.

Двое людей и единорог замерли. Так много всего беспокоило их, что они не знали, что делать. Звук копыт был уже совсем близко, и невидимый голос прошептал:

— Алло! Вы здесь? Благодаренье Небесам, это была Джил.

— Где тебя черти носят? — разгневанно прошептал Юстэс; он очень испугался за нее.

— В Хлеву, — с трудом проговорила Джил. Ей было трудно говорить, она давилась смехом.

— Ты думаешь, это смешно, — проворчал Юстэс. — Я могу сказать только...

— Вы нашли Алмаза, сир? — спросила Джил.

— Да, он здесь. А с тобой что за зверь?

— Это он, — сказала Джил. — Но пойдемте к дому, пока никто не проснулся, — и она снова подавилась смешком.

Остальные мгновенно повиновались, ведь они и так слишком долго задержались в этом страшном месте. А барабаны гномов слышались все ближе. Они шли на юг уже несколько минут, когда Юстэс спросил:

— Ты сказала «он»? Что ты имеешь в виду?

— Фальшивый Аслан, — ответила Джил.

— Что? — воскликнул Тириан. — Где ты была? Что ты сделала?

— Ну, сир, — сказала Джил, — когда я увидела, что вы повалили часового, я подумала, что было бы неплохо заглянуть внутрь Хлева и посмотреть, что там на самом деле. И я поползла. Открыть засов было легче легкого. Конечно, внутри было очень темно и пахло как в любом хлеву. Потом я зажгла спичку и — поверите ли — там не было никого, кроме старого ослика, у которого к спине была привязана львиная шкура. Я вытащила нож и сказала ему, что он пойдет со мной. Правда, можно было и не угрожать ножом. Он сыт по горло этим хлевом и готов уйти, не так ли, дорогой Недотепа?

— О, Боже! Черт меня подери! — сказал Юстэс. — Я сердился на тебя еще минуту назад. Я думал, ты бросила нас. Но согласитесь... Я имею в виду, что она сделала совершенно роскошную вещь... Если бы она была мальчиком, ее бы посвятили в рыцари, правда, сир?

— Если бы она была мальчиком, — сказал Тириан, — ее бы высекли за нарушение приказа. — В темноте не было видно, как он сказал это: нахмурившись или с улыбкой. В следующую минуту раздался звон металла.

— Что вы делаете, сир? — резко спросила Джил.

— Вытаскиваю меч, чтобы отрубить голову проклятому ослу, — сказал Тириан ужасным голосом. — Стой спокойно, девочка.

— Не надо, я прошу вас, не надо, — сказала Джил, — вы не должны, это не его вина, это все Обезьян. Осел не виноват. Он просит прощения. Он прелестный ослик. Его зовут Недотепа, и я держу его за шею.

— Джил, — сказал Тириан, — ты храбрейшая и мудрейшая из всех моих подданных, но при этом самая дерзкая и непокорная из них. Хорошо, пусть осел останется жив. Как ты можешь оп-

равдать себя, осел?

— Я, сир? — раздался голос ослика. — Я прошу прощения, если я сделал что-нибудь неправильно. Обезьян сказал, что Аслан хочет, чтобы я оделся таким образом. Я думал, что он знает. Я не так умен, как он. Я сделал только это. Мне не слишком весело жилось в Хлеву. Я не знал, что делалось снаружи. Он выпускал меня только по ночам на одну минуту. Несколько дней подряд они даже забывали давать мне воду.

— Сир, — сказал Алмаз, — гномы все ближе и ближе. Хотим ли мы встретиться с ними? Тириан на мгновение задумался, а потом громко рассмеялся. А затем он заговорил и на этот раз не шепотом.

— Клянусь Львом, — сказал он, — я становлюсь все глупее и глупее. Встретить их? Ну конечно же, мы должны встретить их. Мы их обязательно встретим. Мы теперь всех встретим. Мы покажем им этого осла, пусть посмотрят, кого они боялись и кому поклонялись. Мы расскажем им правду о подлой проделке Обезьяны. Его секрет выплыл наружу.

События приняли другой оборот. Завтра мы повесим обезьяну на самом высоком дереве в Нарнии. Не надо больше говорить шепотом, прятаться и маскироваться. Где эти честнейшие гномы? У нас есть для них хорошие новости.

Когда вам приходится часами говорить шепотом, то один звук громкого голоса вызывает приятное волнение. Все начали разговаривать и смеяться, даже Недотепа вскинул голову и раздалось грандиозное «Иа-иа-иа». Обезьян все время запрещал ему это. А потом они пошли на звук барабанов. Барабаны слышались все громче, и вскоре они увидели свет факелов и вышли на одну из тех неровных дорог (мы с трудом называли бы их дорогами в Англии), которые пересекали равнину. Тридцать гномов маршировали по дороге, у каждого в руках был маленький заступ, а за плечами — ранец. Двое вооруженных тархистанцев вели колонну, еще двое шли сзади.

— Остановитесь! — громовым голосом крикнул Тириан, ступив на дорогу. — Остановитесь, солдаты. Куда вы ведете этих нарнийских гномов? По чьему приказу?

Глава 7. ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ О ГНОМАХ

Тархистанские солдаты, шедшие во главе колонны, подумали, что имеют дело с тарханом или знатным вельможей с двумя вооруженными пажами. Они вскинули пики в приветственном салюте.

— О, мой господин, — сказал один из них, — мы ведем этих человечков в Тархистан работать в копиях Тисрока, да живет он вечно.

— Клянусь великой богиней Таш, — сказал Тириан, — они очень покорны. — Затем он внезапно обернулся к самим гномам. Каждый шестой в колонне нес факел, и в их мерцающем свете Тириан увидел бородатые лица гномов, глядевших на него злобно и жестоко. — Разве Тисрок выиграл великую битву и поработил ваши земли, гномы, — спросил он, — и поэтому вы собираетесь терпеливо идти умирать в соляных копиях Награхана? Двое солдат удивленно уставились на него, а гномы отвечали:

— По приказу Аслана, по приказу Аслана. Он продал нас, что мы можем против него,

— Пусть Тисрок попробует, — добавил один из гномов и сплюнул, — я бы хотел посмотреть, как у него получится!

— Молчи, собака! — закричал солдат, который был главным.

— Смотрите! — сказал Тириан, выталкивая Недотепу на свет. — Это все было ложью. Аслан вовсе не приходил в Нарнию. Вас обманул Обезьян. Вот кого он выводил из Хлева, чтобы показать вам. Посмотрите на него.

Раньше гномы не могли рассмотреть издали то, что сейчас увидели вблизи, и поэтому удивились, что были так обмануты. За время заточения ослика в Хлеву львиная шкура пришла в полный беспорядок, окончательно она ободралась, пока он путешествовал по ночному лесу. Большая часть шкуры сбилась в комок на одном плече. Львиная голова съехала набок, и так завалилась назад, что любой мог увидеть глупую милую ослиную морду, выглядывавшую из-под нее. Из уголка рта торчали стебельки травы (пока они шли, ослик понемногу щипал травку), и он бормотал: «Это не моя вина, я не слишком умен. Я никогда не говорил, что я — это он».

Несколько секунд гномы смотрели на Недотепу, широко открыв рты, но один из солдат резко сказал: «Вы сошли с ума, мой господин! Что вы делаете с этими рабами?» А другой спросил:

«А кто вы, собственно, такой?» Они уже не салютовали, пики были опущены вниз и готовы к бою.

— Скажите пароль, — потребовал один из солдат.

— Вот мой пароль, — король выхватил меч. — Заря света разбила ложь. Защищайся, негодяй, ибо я — Тириан Нарнийский.

И он, как молния, бросился на солдата. Юстэс, вытащил свой меч вслед за королем и напал на другого солдата. Он был смертельно бледен, но я бы не осудил его за это. Удача сопутствовала ему, как это часто бывает с новичками. Он забыл все, чему Тириан пытался научить его, широко размахнулся (хотя я не уверен, что не зажмурился) и внезапно, к своему огромному удивлению, обнаружил, что тархистанец лежит у его ног. Он испугался, хотя и испытал огромное облегчение. Король сражался на секунду или две дольше, пока не убил своего противника и не крикнул Юстэсу: «Берегись, там еще двое».

Но с двумя другими тархистанцами уже справились гномы, так что врагов больше не осталось.

— Отличный удар! — воскликнул Тириан, хлопая Юстэса по спине.

— А теперь, гномы, вы свободны. Завтра я поведу вас освобождать всю остальную Нарнию. Троекратное ура в честь Аслана! То, что последовало за этим, было поистине ужасно. Несколько гномов (около пяти) попытались упасть в обморок, другие угрюмо заворчали, но большинство ничего не сказала.

— Разве вы не поняли? — нетерпеливо сказала Джил. — Что с вами случилось, гномы? Разве вы не слышали, что сказал король? Все кончилось. Обезьян больше не правит вами. Все могут вернуться назад к обычной жизни. Вы можете снова смеяться. Разве вы не рады? После минутной паузы один не очень симпатичный на вид гном с черными волосами и бородой сказал:

— А вы сами-то кто будете, мисс?

— Я — Джил, — ответила она, — та самая Джил, которая освободила короля Рилиана от чар, а это Юстэс, мы вместе с ним сделали это. Теперь, когда прошли сотни лет, мы снова вернулись из другого мира. Аслан послал нас.

Гномы с ухмылкой глядели друг на друга, насмешливо, но не весело.

— Ну, — сказал черноволосый гном (его звали Гриффл), я не знаю, как вы, парни, думаете, но мне кажется, что я наслушался об Аслане на всю жизнь вперед.

— Это правда, правда, — проворчали гномы, — это все надувательство, проклятое надувательство.

— Что вы имеете в виду? — спросил Тириан, побледнев так, как не бледнел и в сражениях. Он думал, что все, наконец, будет прекрасно, но все было как в дурном сне.

— Ты должно быть думаешь, что у нас размягчение мозгов, — сказал Гриффл. — Нас уже обманули однажды, а теперь ты снова пытаешься обмануть нас. Нам больше не нужны эти истории об Аслане, понимаешь! Посмотри на него! Это старый глупец с длинными ушами!

— Клянусь Небом, вы сведете меня с ума, — сказал Тириан. — Кто из нас говорит, что это — Аслан? Это обезьянья подделка, можете вы понять?

— А ты подсунешь какую-нибудь лучшую подделку? — сказал Гриффл. — Нет, благодарю, мы уже сглупили однажды и не собираемся снова быть одураченными.

— Я вас не дурачу, — сказал Тириан сердито, — я служу настоящему Аслану.

— А где он? Кто он? Покажи его нам! — закричали гномы.

— Вы думаете, я держу его в кармане, глупцы? — сказал Тириан. — Кто я, чтобы показывать вам Аслана по своему желанию? Он не ручной лев.

Когда эти слова вырвались у него, он понял, что сделал неправильный ход. Гномы принялись глумливо напевать: «Не ручной лев, не ручной лев».

— Это то самое, чем тот, другой, держал нас в повиновении, — сказал один из них.

— Вы хотите сказать, что не верите в настоящего Аслана? — спросила Джил. — Но я видела его. Он послал нас двоих сюда из другого мира.

— Ха, — сказал Гриффл, усмехаясь, — так ты говоришь. Они научили тебя твоей роли. Очень хорошо, тверди свой урок.

— Грубияны, — вскричал Тириан, — вы осмеливаетесь прямо в лицо обвинять леди во лжи?

— Держись в рамках приличия, мистер, — отвечал гном, я не думаю, что мы захотим еще королей, если ты и вправду Тириан, хотя и не слишком похож на него. Короли нужны нам не больше, чем Асланы. Мы сами теперь будем соображать и не собираемся снимать шляпу ни перед

кем. Понял?

— Все правильно, — подхватили другие гномы, — теперь мы будем соображать сами. Ни Аслана, ни королей, ни дурацких историй о других мирах. Гномы только для гномов. — И они снова построились в колонну и приготовились идти маршем назад, туда, откуда пришли.

— Маленькие создания! — сказал Юстэс. — Вы не хотите даже поблагодарить за то, что вас спасли от соляных копей!

— О, мы знаем, почему вы это сделали, — сказал Гриффл, оборачиваясь через плечо. — Вы хотели сами использовать нас. Вот почему вы нас освободили. Вы играли в вашу собственную игру. Пойдемте.

Гномы начали выбивать на барабанах странную маршевую песню и зашагали во тьму.

Тириан и его друзья глядели им вслед. Затем Тириан произнес одно только слово: «Пойдемте», и они продолжали свое путешествие.

Это была очень грустная компания. Недотепа чувствовал себя в опале, да к тому же он не слишком хорошо понял, что произошло. Джил негодовала на гномов, но кроме того, она была под впечатлением победы Юстэса над тархистанским солдатом и чувствовала себя немного испуганной. Что до Юстэса, сердце его еще слишком быстро билось. Тириан и Алмаз грустно замыкали шествие. Рука короля покоилась на спине единорога, и иногда единорог прижимался к щеке короля мягким носом. Они не пытались утешать друг друга словами, нелегко было придумать, что можно сказать утешительного. Тирйану и не снилось, что в результате обезьяньей проделки с фальшивым Асланом многие перестанут верить в настоящего. Он был совершенно уверен, что гномы снова будут на его стороне, как только он покажет им, как их обманывали. А потом, на следующую ночь, он повел бы их к Хлеву и показал Недотепу остальным. И все отвернулись бы от Обезьяны, и возможно, после схватки с тархистанцами все было бы в порядке. Но теперь он ни на что не мог рассчитывать. Что, если и другие жители Нарнии поведут себя так же, как гномы?

— Мне кажется, кто-то идет за нами, — внезапно сказал Недотепа.

Они остановились и прислушались. Позади них раздавался уверенный топот маленьких ножек.

— Кто идет? — закричал король.

— Это только я, сир, — ответил голос, — Поджин, гном. Я решил уйти от остальных. Я на вашей стороне, сир, и на стороне Аслана. Если можете, вложите в мою руку подходящий для гнома меч. Я буду счастлив драться на правой стороне до конца.

Все сгрудились вокруг него, хвалили его и хлопали по спине. Конечно, один-единственный гном мало что мог изменить, но было что-то утешительное в том, что был хотя бы один. Вся компания оживилась. Но Джил и Юстэс не могли долго веселиться, потому что от непрерывной зевоты у них уже отваливались головы и они так устали, что не могли думать ни о чем, кроме постели.

Был самый холодный час ночи — час перед рассветом, когда они вернулись к башне. Если бы еда была готова, они бы с удовольствием поели, но необходимость хлопотать, а потом ждать, исключала все мысли о ней. Они напились из ручья, ополоснули лица и повалились на скамьи, все, кроме Недотепы и Алмаза, которые предпочли устроиться снаружи. Возможно, это было к лучшему, потому что если бы единорог и сильно растолстевший осел вошли внутрь, в башне стало бы совсем тесно.

Гномы в Нарнии, хотя росту в них меньше четырех футов, очень выносливые и сильные создания, поэтому Поджин после тяжелого дня и короткой ночи, проснулся раньше всех, бодрый и отдохнувший. Он взял лук Джил, вышел из башни и быстро подстрелил пару диких голубей. Затем он устроился на ступеньках, ощипывая голубей и болтая с Алмазом и Недотепой. Этим утром Недотепа выглядел гораздо лучше, да и чувствовал себя увереннее. Алмаз (он был единорогом, то есть одним из самых благородных и деликатных созданий) ласково обращался с ним и разговаривал о вещах, которые были понятны обоим: о траве и о сахаре, об уходе за копытами. Когда около половины десятого Джил и Юстэс вышли из башни, зевая и протирая глаза, гном показал им, где можно собрать в изобилии нарнийскую траву, которая называется «дикая кислица». Это растение похоже на наш щавель, но в приготовленном виде гораздо вкуснее. (Чтобы достичь полного совершенства, для этого блюда необходимо иметь немного масла и перца, но у них не было ни того, ни другого). Они приготовили отличное жаркое на завтрак или на обед (вы сами можете выбрать название этой трапезы). Тириан захватил топор и отправился в лес, чтобы принести дров для очага. Пока еда готовилась — им казалось, что это заняло очень много времени, особенно тогда, когда

еда начала пахнуть все вкуснее и вкуснее — Тириан отыскал для Поджина полное вооружение гнома: кольчугу, шлем, перевязь и кинжал. Потом король проверил меч Юстэса и обнаружил, что тот не вытер его и вложил в ножны липким от крови тархистанца. Он выбралил Юстэса, сам вычистил и отполировал меч.

Все это время Джил прохаживалась взад и вперед, то помешивая жаркое, то с завистью поглядывая на ослика и единорога, которые дружно щипали траву. Как много раз за это утро ей хотелось, чтобы и она могла есть траву! Когда еда была готова, все поняли, как ужасно было ожидание и много раз просили добавки. После того, как все наелись, три человека и гном вышли и уселись на ступеньках; четвероногие расположились перед ними, гном (с разрешения Джил и Тириана) закурил трубку, а король сказал:

— Ну, друг Поджин, может быть, ты больше нас знаешь о врагах. Расскажи все, что ты знаешь. Во-первых, какой выдумкой они объясняют мое бегство?

— Они такую хитрую сказку изобрели, сир, — сказал Поджин, — кот Рыжий придумал ее, а остальные подхватили. Этот Рыжий, сир — он хитрец даже среди котов — рассказал, что проходил мимо дерева, к которому эти злодеи привязали ваше величество. Он сказал (простите меня за такие слова), что вы были, ругались и проклинали Аслана: «Словами, которые я не могу повторить,» — вот что он сказал, и при этом выглядел так чопорно и пристойно — вы ведь знаете, как могут выглядеть коты, когда захотят. А потом, сказал Рыжий, внезапно во вспышке молнии появился сам Аслан и проглотил ваше величество одним глотком. Все звери пришли в ужас от этого рассказа и стали бояться еще больше.

И конечно. Обезьян продолжает хозяйничать. Глядите, говорит он, что Аслан делает с теми, кто не уважает его. Пусть это будет вам всем предупреждением. И бедные создания воют и скулят: «Так и будет, так и будет». Так что бегство вашего величества не навело их на мысль о том, что у вас остались друзья, которые вам помогли — они испугались еще сильнее и стали еще покорней Обезьяну.

— Что за дьявольская политика! — сказал Тириан. — Этот Рыжий, похоже, будет в советчиках у Обезьяны.

— Это еще вопрос, сир, не будет ли теперь Обезьян у него в советчиках,

— отвечал гном. — Понимаете ли, Обезьян напился, поэтому планы теперь составляют Рыжий и Ришда, тархистанский капитан. Рыжий наболтал среди гномов, что главным виновником этого ужасного возвращения являетесь вы. И я скажу вам почему. Одна из тех ужасных встреч была позапрошлой ночью. Я шел домой и вдруг обнаружил, что потерял свою трубку. Это была старая и любимая трубка, поэтому я вернулся, чтобы поискать ее. Была крошечная тьма. Прежде, чем я дошел туда, где сидел, я услышал, как кошачий голос произнес: «Мяу», а голос тархистанца сказал: «Здесь... говори тише». Поэтому я застыл, как будто превратился в лед. Это были Рыжий и тархан Ришда, как они его называют. «Благородный тархан, — сказал кот нежно, — я хотел бы знать точно, что мы оба имели в виду, говоря сегодня, что Аслан значит не более, чем Таш». «Без сомнения, о, наиболее проникательный из котов, — ответил другой,

— вы поняли, что я имел в виду». «Вы имели в виду, — сказал Рыжий, — что ни тот, ни другая не существуют». «Все посвященные знают это», — сказал тархан. «Мы можем понять друг друга, — промурлыкал кот, — вы, как и я, немного устали от Обезьяны». «Глупое, грубое животное, сказал другой, — но надо его использовать. Мы должны держать все это в секрете и заставлять Обезьяну действовать по нашей воле». «Будет лучше, — сказал Рыжий, — если мы позволим некоторым из наиболее просвещенных нарнийцев быть нашими советниками, будем подбирать их одного за другим, ибо звери, которые действительно верят в Аслана, могут отвернуться от нас в любой момент. И это случится, если Обезьян -по глупости выдаст тайну. Но те, кого не заботят ни Таш, ни Аслан, кто думает о своей выгоде и наградах, которые Тисрок даст им, когда Нарния станет тархистанской провинцией, будут тверды». «Превосходнейший кот, — сказал капитан, — выбирайте очень внимательно».

Пока гном рассказывал, день как-то изменился. Когда они садились на ступени, было солнечно, теперь же Недотепа задрожал. Алмаз беспокойно повернул голову. Джил посмотрела вверх.

— Стало облачно, — сказала она.

— И холодно, — добавил Недотепа.

— И правда холодно, клянусь Львом! — сказал Тириан, потирая руки. — Тьфу, Что за отвратительный запах!

— Ну и ну, — сдерживая дыхание, произнес Юстэс, — как будто что-то мертвое. Может быть, поблизости мертвая лисица? Но почему мы не замечали этого раньше?

И тут Алмаз поспешно вскочил на ноги и указал куда-то своим рогом: «Смотрите! — закричал он. — Смотрите на это! Смотрите! Смотрите!»

И все шестеро увидели, и на лицах их отразился дикий страх.

Глава 8. КАКИЕ НОВОСТИ ПРИНЕС ОРЕЛ

В тени деревьев на дальней стороне поляны что-то двигалось. Оно медленно скользило на север. На первый взгляд его можно было принять по ошибке за дым, оно было серого цвета и сквозь него были видны предметы. Но запах смерти — это не запах дыма. Кроме того, оно, в отличие от клубов дыма, не изменяло очертаний. И было похоже на человека с птичьей головой, с жестким кривым клювом. Четыре руки были подняты над головой и тянулись к северу, будто оно хотело сжать Нарнию в тисках. Пальцы — все двенадцать были искривлены, как и клюв, и кончались длинными острыми птичьими когтями вместо ногтей. Оно не шло, а проносилось над травой, и трава, казалось, высыхала.

Едва взглянув на это. Недотепа издал ужасный рев и бросился в башню. Джил (которая, как вы знаете, не была трусихой) спрятала лицо в ладонях, чтобы ничего не видеть. Другие смотрели вслед, пока оно не скрылось в гуще деревьев. Снова показалось солнце и запели птицы.

Все снова смогли дышать и двигаться, и больше не походили на статуи.

— Что это было? — спросил Юстэс шепотом.

— Я уже видел ее, — сказал Тириан. — Она была из камня, позолоченная и с алмазами вместо глаз. Когда я был не старше тебя и гостил у Тисрока в Ташбаане, он повел меня в великий храм Таш. Я видел ее там на алтаре.

— Это... это. была Таш? — спросил Юстэс.

Вместо ответа Тириан обнял Джил за плечи и сказал:

— Что это с вами, леди?

— В-в-все хорошо, — проговорила Джил, отнимая руки от побледневшего лица и пытаясь улыбнуться. — Со мной все хорошо. Просто я на минуту почувствовала себя плохо.

— Похоже, — сказал единорог, — что это была настоящая Таш.

— Да, — согласился гном, — глупость Обезьяна, который не верит в Таш, дала больше, чем он сам ожидал. Он позвал Таш, и Таш пришла.

— Куда это... оно... она... направилась? — спросила Джил.

— На север, в сердце Нарнии, — ответил Тириан. — Она пришла жить среди нас. Они призывали ее, и она пришла.

— О-хо-хо, — закудаhtал гном, потирая свои волосатые руки. — Это будет сюрприз для Обезьяна. Люди не должны вызывать демонов, пока не поймут, кого зовут.

— Кто знает, покажется ли Таш Обезьяну? — сказал Алмаз.

— Куда делся Недотепа? — спросил Юстэс.

Ослика окликнули по имени, и Джил обошла вокруг башни. Они уже были готовы идти на поиски, когда, наконец, серая голова осторожно показалась в дверях, и он спросил: «Оно уже ушло?». Когда его вывели из башни, он дрожал, как собака перед грозой.

— Я понял теперь, — сказал Недотепа, — что я действительно был очень плохим ослом. Я не должен был слушать Хитра. Я никогда не думал, что может начаться такое.

— Если бы ты меньше говорил о том, что не очень умен, и пытался бы стать умнее... — начал Юстэс, но Джил прервала его. .

— Оставьте бедного старого Недотепу, — сказала она. — Это была ошибка, не так ли. Недотепа, милый? — И она поцеловала его в нос.

И хотя все были очень взволнованы тем, что увидели, они снова сели и продолжили разговор.

Алмаз не многое мог рассказать. В плену он все время был привязан позади Хлева, и конечно, слышал некоторые планы врагов. Его пинали (какое-то количество ударов он вернул назад копытами), били и грозили смертью, требуя признать, что тот, кого выводили и показывали при свете костра, действительно Аслан. И если бы его не освободили, то казнили бы этим утром. Он не знал, что случилось с ягненком.

Они решали, надо ли этой ночью идти к Хлеву, чтобы показать нарнийцам ослика и попытаться объяснить им, что их одурачили, или идти на восток навстречу кентавру Рунвиту, который ведет помощь из Кэр-Паравела, а потом вернуться и сражаться с тархистанцами и Обезьяном. Тириану больше нравился первый план: ему была ненавистна мысль, что Обезьян будет продолжать запугивать его народ. Но с другой стороны, поведение гномов прошлой ночью послужило предостережением. Невозможно было предсказать, что случится, даже если все увидят ослика. Еще больше осложняли дело тархистанские солдаты. Поджин думал, что их около тридцати. Тириан считал, что если нарнийцы станут на их сторону, то он, Алмаз, дети и Поджин (Недотепа в счет не шел) будут иметь шансы победить тархистанцев. Но если хотя бы половина нарнийцев — включая всех гномов просто сядет и будет наблюдать или даже сражаться против них? Риск был слишком велик. И не следует забывать о призрачных очертаниях Таш. Что будет делать она? Поджин сказал, что ничего плохого не случится, если Обезьян останется со своими проблемами еще на пару дней — ему же теперь некого выводить и показывать. Нелегко им с Рыжим будет придумать объяснение. Если звери ночь за ночью будут просить увидеть Аслана, а Аслан не выйдет, можно быть уверенными, что даже простаки удивятся.

В конце концов все согласились, что лучше всего пойти и попытаться встретиться с Рунвитом.

Удивительно, насколько все повеселели, как только приняли это решение. И не потому, что кто-то из них боялся битвы (за исключением, -может быть, Джил и Юстэса), но я осмеливаюсь сказать, что каждый из них в душе был рад не приближаться, хотя бы пока, к ужасной птицеголовой твари, которая видимо или невидимо, появилась теперь у Хлева. Так или иначе, каждый почувствовал себя лучше, когда все пришли к единому решению.

Тириан сказал, что пора кончать с переодеваниями, если они не хотят быть приняты за тархистанцев и атакованы верными нарнийцами, которых могут встретить. Гном сделал жуткую на вид смесь из пепла и жира для смазки мечей и наконечников копий. Они сняли тархистанское вооружение и пошли к ручью. Противная смесь пенилась, как самое мягкое мыло. Приятно было смотреть, как Тириан и двое детей стали на колени у воды и оттирали шеи, брызгая пеной. Они вернулись назад к башне с раскрасневшимися сверкающими лицами, у них был такой вид, словно они специально вымылись перед тем, как идти в гости. Теперь они вооружились как настоящие нарнийцы, взяв прямые мечи и треугольные щиты.

— Так-то лучше, — сказал Тириан. — Я снова чувствую себя человеком.

Недотепа умолял снять с него львиную шкуру, он жаловался, что в ней слишком жарко и что она очень неприятно собирается в складки на спине и, кроме того, у него слишком глупый вид. Но остальные убедили его, что он должен поносить ее еще немного, чтобы показаться в этой одежде остальным зверям, после встречи с Рунвитом.

То, что осталось от кроличьего и голубиноного мяса, не имело смысла брать с собой, и они взяли лишь немного бисквитов. Затем Тириан запер дверь башни, и да этом кончилось их пребывание здесь.

Когда они отправились, был третий час пополудни, и это был первый день настоящей весны. Молодые листья были куда больше, чем вчера, подснежники уже сошли, но они увидели несколько первоцветов. Сквозь деревья проникал солнечный свет, пели птицы, и отовсюду доносился шум бегущей воды. Не хотелось думать о таких ужасах, как Таш.

Дети почувствовали наконец, что это настоящая Нарния.

Даже у Тириана полегчало на душе, когда он пошел впереди всех, мурлыкая старый нарнийский марш с таким припевом:

Эй, гром, гром, гром, В барабаны бей, бей!

За королем шли Юстэс и Поджин. Гном учил Юстэса названиям тех нарнийских трав, птиц и растений, которые тот еще не знал. А иногда Юстэс учил его их английским названиям.

За ними шел Недотепа, а за ним бок о бок Джил и Алмаз. Джил, можно сказать, совершенно влюбилась в единорога и ей казалось (и это было недалеко от истины), что он — самый блестящий, деликатный и грациозный зверь из всех, которых она до сих пор встречала: он был так вежлив и так мягок в обращении, и если бы вы не видели его в битве, вы бы с трудом поверили, что он может быть свиреп и ужасен.

— Как прелестно, — сказала Джил, — просто идти среди этой красоты. Мне бы хотелось, чтобы было побольше таких приключений. Какая жалость, что в Нарнии все время что-то случает-

ется.

Но единорог объяснил ей, что она ошибается, ведь сыновья и дочери Адама и Евы попадают из их собственного странного мира в Нарнию только тогда, когда в Нарнии какой-нибудь беспорядок. Но она не должна думать, что в Нарнии всегда беспорядок. Между их появлениями проходят сотни и тысячи лет, когда один король мирно сменяет другого, и это происходит так долго, что вы с трудом можете припомнить их имена и сосчитать сколько их было, и трудно решить, что стоит записать в летопись. Он продолжал рассказывать о бывших королевах и героях, о которых она никогда не слышала. Он рассказал о королеве Лебедь, которая жила еще до Белой Колдуньи и Великой Зимы, и была так прекрасна, что, когда она смотрелась в лесное озеро, отражение ее сияло из воды, как яркая звезда, год и день после этого. Он рассказал о зайце по имени Лунный Свет, с такими чуткими ушами, что когда он сидел у Котелкового озера, а рядом грохотал Великий Водопад, то мог слышать, о чем шепчутся в Кэр-Паравеле. Он еще рассказал ей, как король Ветер, который был девятым после Франциска, первого из всех королей, поплыл далеко на восток и освободил от дракона Одинокие Острова и навсегда присоединил их к королевским землям Нарнии. Он рассказал о целых столетиях, во время которых вся Нарния была так счастлива, что единственное, что вспоминалось, это танцы, пиры и турниры, и каждый день и каждая неделя были лучше, чем предыдущие. Он продолжал рассказывать, а в голове Джил теснились картины счастливых лет и тысячелетий, пока все это не стало похоже на вид с высокого холма на чудесную равнину, полную лесов, вод и нив, которая простирается так далеко, что края ее теряются в туманной дали. И она сказала:

— Я надеюсь, мы скоро победим Обезьяна и вернемся назад в эти добрые и обыкновенные времена. И я надеюсь, что эти времена продолжатся навсегда, навсегда, навсегда. Наш мир должен когда-нибудь прийти к концу. Возможно, у этого мира конца не будет. Алмаз, разве не прекрасно, если Нарния будет продолжаться вечно, и все будет, как ты рассказываешь?

— Ну, сестрица, — ответил Алмаз, — все миры приходят к концу, кроме страны Аслана.

— Ну, я надеюсь, — заметила Джил, — что конец этого мира будет еще через миллионы и миллионы лет... Эй, что это мы остановились? Король, Юстэс и гном уставились на небо. Джил вздрогнула, когда вспомнила, какой ужас они недавно видели. Но на этот раз ничего такого не было. Они увидели что-то маленькое и черное на фоне голубого неба.

— Я ручаюсь, — сказал единорог, — что, судя по полету, это говорящая птица.

— Я тоже так думаю, — отозвался король. — Но вдруг она шпион Обезьяна?

— По-моему, сир, — ответил гном, — она похожа на орла Остроглаза.

— Не скрыться ли под деревьями? — спросил Юстэс.

— Ну, — возразил Тириан, — лучше стоять неподвижно. Он наверняка заметит нас, если мы будем двигаться.

— Смотрите! Он кружит, похоже, он увидел нас, — воскликнул Алмаз. — Он спускается вниз широкими кругами.

— Стрелу на тетиву, леди, — сказал Тириан Джил. — Но не стреляйте, пока я не скамандую, он может оказаться другом.

Если бы они знали, что будет в следующий момент, они бы не так пристально наблюдали за грациозностью и легкостью гигантской птицы, скользящей вниз. Орел сел на каменный утес в нескольких футах от Тириана, склонил украшенную гребнем голову и сказал со странным орлиным клекотом:

— Привет тебе, о, король.

— Привет и тебе. Остроглаз, — ответил Тириан. — Поскольку ты называешь меня королем, я понимаю, что ты не приспешник Обезьяна и его фальшивого Аслана. Я рад твоему появлению.

— Сир, — сказал орел, — когда вы услышите новости, вы будете сожалеть о моем появлении, как ни о чем еще не сожалели в жизни.

Сердце Тириана, казалось, перестало биться при этих словах. Он сжал зубы и промолвил: «Продолжай».

— Две картины я видел, — начал Остроглаз, — одна — Кэр-Паравел, полный мертвых нарнийцев и живых тархистанцев, знамя Тисрока, развевающееся над башенными стенами, и ваши подданные, бегущие из города в леса. Кэр-Паравел был взят с моря. Позапрошлой ночью двадцать огромных кораблей из Тархистана подошли к берегу.

Никто не промолвил ни слова.

— И другая картина; в пяти милях от Кэр-Паравела, ближе сюда, лежит мертвый Рунвит, кентавр, с тархистанской стрелой в боку. Я был с ним в его последний час, и он дал мне поручение к вашему величеству — напомнить, что миры приходят к концу, а благородная смерть — это со-кровище, и каждый достаточно богат, чтобы купить его.

— Так, — сказал король после долгого молчания, — Нарнии больше нет.

Глава 9. ВЕЛИКОЕ СОБРАНИЕ У ХЛЕВА

Долгое время они не могли ни говорить, ни даже плакать.

Затем единорог ударил копытом о землю, тряхнул гривой и заговорил:

— Сир, теперь нет нужды советоваться. Ясно, что планы Обезьяна были серьезнее, чем мы думали. Без сомнения, он долгое время был в секретных сношениях с Тисроком, и, как только нашел львиную шкуру, сообщил Тисроку, что пора готовить корабли для завоевания Кэр-Паравела и всей Нарнии. Теперь нам семерым осталось только вернуться назад к Хлеву, рассказать правду и принять судьбу, которую Аслан посылает нам. И если каким-то чудом мы победим три десятка тархистанцев, пришедших с Обезьяном, мы повернем обратно и умрем в битве с огромным войском, которое вскоре придет сюда от Кэр-Паравела.

Тириан кивнул, повернулся к детям и сказал:

— Теперь, друзья, вам настало время вернуться в ваш собственный мир. Несомненно, вы сделали все, для чего были посланы.

— Но... мы не сделали ничего, — ответила Джил, дрожа, но не от страха, а потому, что все вокруг было так ужасно.

— Ну, — возразил король, — вы освободили меня, ты скользила передо мной, как змея, в лесу прошлой ночью и захватила Недотепу, а ты, Юстэс, убил тархистанца. Вы слишком молоды, чтобы разделить с нами, сегодня ночью или несколько дней спустя, нашу кровавую кончину. Я умоляю вас, нет, я приказываю вернуться в ваш собственный мир.

Мне будет стыдно, если я позволю таким юным воинам пасть в битве за меня.

— Нет, нет, нет, — сказала Джил (она была очень бледна, когда Тириан начал говорить, потом внезапно покраснела и снова побледнела), — мы не должны, все равно, чтобы ты ни говорил. Мы останемся с тобой, что бы ни случилось, не так ли, Юстэс?

— Да, но нет нужды даже обсуждать это, — заявил Юстэс, засунув руки в карманы (и забыв, как странно это выглядит, когда ты в кольчуге), — потому что, понимаете ли, у нас нет выбора. Что толку говорить о возвращении назад! Как мы вернемся? Мы не знаем магии, нужной для этого.

Это был прекрасный довод, но в тот момент Джил ненавидела Юстэса за то, что он сказал об этом. Он говорил как-то ужасно сухо, когда другие были так взволнованы.

Когда Тириан понял, что двое пришельцев не могут попасть домой (если только Аслан не перенесет их), то решил, что они должны пересечь Южные горы и пойти в Орландию, где смогут быть в безопасности. Но они не знали дороги, и некого было послать с ними. Кроме того, как сказал Поджин, раз тархистанцы захватили Нарнию, они наверняка возьмут через неделю, и Орландию. Тисрок всегда хотел владеть северными землями. Юстэс и Джил так сильно умоляли короля, что в конце концов он согласился, чтобы они пошли с ним и попытались счастья, или, как он более благоразумно выразился, «приняли судьбу, которую Аслан посылает им».

Первое, что пришло в голову королю — не возвращаться к Хлеву (им становилось нехорошо даже от самого этого слова), пока не стемнеет. А гном сказал, что если они придут туда днем, то, возможно, не найдут там никого, кроме тархистанского часового. Животные были слитком напуганы тем, что Хитр (и Рыжий) говорили о гневе Аслана — или Ташлана — и не решались приблизиться к этому месту до того, как их позовут на ужасную полночную встречу. А тархистанцы никогда не чувствовали себя уверенными в лесу. Поджин думал, что при дневном свете им будет легче подойти к Хлеву незамеченными. Ночью, когда Обезьян соберет зверей, а тархистанцы будут на дежурстве, это сделать сложнее. До того, как звери соберутся, Недотепу можно оставить за стеной Хлева — пока он не понадобится. Это действительно была отличная идея, возможность устроить нарнийцам сюрприз.

Все согласились с этим и пошли в новом направлении на северо-запад — к ненавистному холму. Орел иногда летел над ними, иногда садился на спину ослику. Но никто — даже король,

кроме как в смертельной опасности — и не мечтал о том, чтобы ехать верхом на единороге.

Джил и Юстэс шли рядом. Когда они умоляли, чтобы им разрешили остаться со всеми, они чувствовали себя очень храбрыми, но теперь их храбрость куда-то подевалась.

— Поул, — шепотом произнес Юстэс, — я могу сказать тебе, что я боюсь.

— Ну, у тебя все в порядке. Вред, — сказала Джил, — ты можешь сражаться. Но я... я трясусь, как в лихорадке, если ты хочешь знать правду.

— О, лихорадка — это еще ничего, — возразил Юстэс, — я чувствую себя совершенно больным.

— Ради Бога, давай не говорить об этом, — промолвила Джил, и минуту-другую они шли в молчании.

— Поул, — сказал Юстэс наконец.

— Что? — спросила она.

— А что случится с нами, если нас убьют здесь?

— Ну, мы у мрем, я думаю.

— Нет, я спрашиваю, что случится в нашем мире? Может быть, мы очнемся и обнаружим, что мы снова в поезде? Или исчезнем, и никто о нас больше не услышит? Или мы умрем в Англии?

— Тише. Я никогда не думала об этом.

— Вот удивятся Питер и остальные, если увидят меня машущим из окна, а затем, когда поезд подойдет, нас нигде не найдут! Или они найдут два... я имею в виду, если мы умрем там, в Англии.

— Что за ужасная мысль, — воскликнула Джил.

— Это не должно нас ужасать, — сказал Юстэс. — Нас там не будет.

— Мне хотелось бы... нет... хотя...

— Что ты хотела сказать?

— Я хотела сказать, что хорошо бы мы никогда не попадали сюда. Но я так не думаю, нет, нет. Даже если мы будем убиты. Я предпочитаю погибнуть в битве за Нарнию, чем вырасти и стать старой и глупой и чтоб меня возили в кресле на колесиках и чтоб я потом все равно умерла.

— Или разбиться на Британской железной дороге!

— Почему ты сказал об этом?

— Когда мы переносились в Нарнию, и нас так сильно толкнуло, я подумал, что это железнодорожное крушение.

А когда обнаружил, что мы вместо этого попали сюда, страшно обрадовался.

Пока Юстэс и Джил разговаривали, другие обсуждали планы и понемногу приободрились. Теперь они думали, как действовать этой ночью, и мысли о том, что случилось с Нарнией, о том, что все ее победы и радости позади, отошли на второй план. Если бы они замолчали, мысли эти вернулись бы и они снова стали бы несчастны, но они продолжали разговаривать. Поджин на самом деле радостно предвкушал предстоящую ночную работу. Он был уверен, что кабан и медведь, а может быть и все псы будут на их стороне. И он никак не мог поверить, что все остальные гномы пойдут за Гриффлом. То, что битва будет при свете костра и среди деревьев может помочь слабой стороне. И если они победят сегодня, надо ли будет бросаться навстречу главным тархистанским силам? Почему бы не укрыться в лесах или даже на Западной Равнине, за Великим Водопадом, и не жить там изгнанниками? Постепенно они будут становиться все сильнее и сильнее, к ним присоединятся говорящие звери и жители Орландии и, наконец, они выйдут из укрытия и прогонят тархистанцев (которые будут становиться все более беззаботными) из своей страны, и Нарния возродится. А потом будет что-то похожее на то, что случилось во времена короля Мираза.

Тириан слушал других, думал о Таш и был совершенно уверен, что все это неосуществимо. Но вслух ничего не сказал.

Когда они подошли поближе к Хлеву, все притихли. Началась настоящая лесная работа. До стены Хлева они добирались в течение двух часов. Чтобы рассказать об этом пути, надо исписать много страниц. Путешествие от одного, укрытия до другого было уже отдельным приключением; им приходилось подолгу ждать, было несколько ложных тревог.

Если ты ходишь в походы и умеешь ориентироваться в лесу, ты поймешь, на что это было похоже. Перед закатом они укрылись в зарослях остролиста в пятнадцати ярдах от Хлева, пожевали бисквиты и легли.

Наступило самое тягостное — ожидание. К счастью, дети поспали пару часов, но глубокой ночью холод разбудил их.

Хуже всего было то, что они проснулись еще и от жажды, а воды достать было -негде. Недотепа стоял, нервно подрагивая и ничего не говоря. Тириан спал, положив голову на спину единорога, так же крепко, как в своей королевской постели в Кэр-Паравеле. Разбудили его звуки гонга. Он сел и увидел свет костра с другой стороны Хлева. И понял, что час настал.

— Поцелуй меня. Алмаз, — сказал он, — скорее всего, это наша последняя ночь на земле. И если я обидел тебя в чем-то, большом или малом, прости мне.

— Дорогой король, — ответил единорог, — мне бы хотелось иметь что простить. Прощай. Много радостей мы пережили вместе. Если бы Аслан дал мне выбор, я не выбрал бы другой жизни, чем та, которая была, и другой смерти, чем та, что впереди.

Затем они разбудили Остроглаза, он спал, положив голову под крыло (это выглядело так, будто у него совсем не было головы), и поползли вперед к Хлеву. Они оставили Недотепу позади Хлева, сказав ему на прощанье несколько добрых слов, потому что уже никто не сердился на него, и приказали не двигаться, пока кто-нибудь из них не позовет его, затем заняли позицию у стены Хлева.

Костер был зажжен недавно и только начинал разгораться. Он был всего в нескольких— футах от них, а огромная толпа нарнийцев располагалась по другую сторону костра, поэтому Тириан не мог как следует разглядеть их, хотя видел десятки глаз, сверкающих в отблесках огня, подобно тому, как видны глаза кролика или кошки в свете автомобильных фар. Как только Тириан занял свою позицию, гонг перестал звучать, и откуда-то слева показались три фигуры.

Один из пришедших был тархан Ришда, тархистанский капитан, другой Обезьян. Ришда сжимал его лапу и тащил за собой, а Обезьян жалобно скулил: «Не так быстро, ну, пожалуйста, не так быстро. Мне совсем плохо. О, моя бедная голова! Эти полуночные встречи дорого мне обходятся».

Обезьяны не приспособлены к тому, чтобы бодрствовать ночью. Я не крыса и не летучая мышь. О, моя бедная голова!» С другой стороны от Обезьяна медленно, степенно и важно, подняв хвост вверх, вышагивал кот Рыжий. Они подошли к костру и остановились так близко от Тириана, что могли бы увидеть его, если бы посмотрели в ту сторону. Но, к счастью, они туда не смотрели. Тириан слышал, как Ришда сказал Рыжему, понижая голос:

— Теперь, кот, твоя очередь — смотри, хорошо играй свою роль.

— Мяу, мяу, рассчитывай на меня! — ответил Рыжий, шагнул прочь от костра и сел в первом ряду собравшихся животных, среди зрителей, если можно так сказать.

Ибо, действительно, как часто случается в жизни, это было похоже на театр. Толпа нарнийцев напоминала зрителей, занявших свои места, маленькая, заросшая травой полянка перед Хлевом, где горел костер и откуда Обезьян и Ришда разговаривали с толпой — сцену, сам Хлев походил на декорации, Тириан и его друзья как бы выглядывали изза кулис. Это была отличная позиция. Если бы кто-нибудь из них шагнул вперед в свет костра, все глаза моментально устремились бы на него, но пока они стояли в тени Хлева был один шанс из ста, что их заметят. Тархан Ришда подтащил Обезьяна ближе к огню, они оба повернулись лицом к толпе и, конечно, тем самым, спиной к Тириану и его друзьям.

— А теперь, обезьяна, — сказал тархан Ришда низким голосом, — скажи те слова, которые более мудрые головы вложили тебе в уста. И держись прямо. — Говоря это, он легонько тыкал Обезьяна пальцем в спину.

— Оставь меня одного, — прохныкал Хитр, но сел прямее и начал более громким голосом:

— Теперь слушайте, все вы. Случилась ужасная вещь.

Злейшая и худшая из того, что происходило в Нарнии. И Аслан...

— Ташлан, дурак, — прошептал тархан Ришда.

— Ташлан, я имею в виду, конечно, — сказал Обезьян, очень сердит по этому поводу.

В напряженном молчании звери ждали, какие новые неприятности обрушатся на них. Маленькая компания за стеной Хлева тоже затаила дыхание. Что произойдет теперь?

— Да, — сказал Обезьян, — в тот самый момент, когда Сам Ужасный среди нас — здесь, в Хлеву, позади меня — одно злое животное решило сделать, что бы вы думали-то, что никто бы не осмелился сделать даже будь он в тысяче миль отсюда. Это животное оделось в львиную шкуру и бродило по лесам, выдавая себя за Аслана.

Джил удивилась на минуту, не сошел ли Обезьян с ума.

Почему он говорит правду? Рев ужаса и ярости прокатился над толпой зверей. «Г-р-р-р, — раздалось рычание. — Кто он? Где он? Дайте мне испробовать на нем зубы!»

— Его видели прошлой ночью, — закричал Обезьян, — но он ушел. Это ослик! Самый обыкновенный несчастный осел. Если кто-нибудь увидит осла...

— Г-р-р-р, — зарычали звери. — Мы увидим его, мы увидим его. Пусть он лучше не попадается на нашем пути.

Джил взглянула на короля. Рот его был открыт. Лицо выражало ужас. тогда она поняла дьявольскую уловку врагов.

Примешивая немного правды, они делали ложь правдоподобной. Что пользы говорить теперь животным, что осла одели как льва, чтобы обмануть их? Обезьяну останется сказать: «Это то, что я вам говорил». Как теперь показывать ослика в львиной шкуре? Звери просто растерзают его на клочки,

— Мы в безвыходном положении, — прошептал Юстэс.

— У нас выбили почву из-под ног, — отозвался Тириан.

— Умно закручено, умно! — сказал Поджин. — Я готов поклясться, что эту новую ложь придумал Рыжий!

Глава 10. КТО ВОЙДЕТ В ХЛЕВ?

Джил почувствовала, как что-то щекочет ей ухо. Это был Алмаз, единорог, который шептал ей прямо в ухо со всей силой своего лошадиного рта. Как только она разобрала, что он говорит, то кивнула и на цыпочках побежала назад, туда, где остался Недотепа. Быстро и тихо она обрезала последние веревки, которые удерживали львиную шкуру. Несладко пришлось бы ослику, если бы его поймали в ней после того, что сказал Обезьян! Она хотела отнести шкуру куда-нибудь подальше, но та была слишком тяжела. Лучшее из того, что она могла сделать, это засунуть ее в густой кустарник. Затем Джил подала ослику знак следовать за ней, и они присоединились к остальным.

Обезьян заговорил снова:

— И после такого ужасного дела Аслан-Ташлан рассердился еще больше. Он сказал, что был слишком добр к вам, приходя каждую ночь, чтобы вы могли увидеть его, поняли! Ну, и он не придет больше.

Вой и мяуканье, крики и рев были ответом на его слова.

Внезапно среди воя послышался громкий смешок:

— Вы только послушайте, что эта обезьяна говорит. Мы знаем, почему он не выводит своего драгоценного Аслана. Я скажу вам, почему. Потому, что его нет. У него никогда не было ничего, кроме старого осла с львиной шкурой на спине. Теперь он потерял и это, и не знает, что делать.

Тириан не мог сквозь костер ясно разглядеть лицо говорящего, но угадал, что это Гриффл, главный гном. И полностью уверился в этом, когда секундой позже все гномы присоединились к Гриффлу со своим припевом: «Не знает, что делать! Не знает, что делать! Не знает, что де-е-елать!»

— Молчать, дети грязи! Слушайте меня, вы, нарнийцы, а не то я дам команду моим воинам зарубить вас ятаганами! Лорд Хитр рассказал об этом проклятом осле. Вы думаете, это потому, что в Хлеве не было настоящего Ташлана! Так вы думаете? Остерегайтесь! Остерегайтесь!

— Нет, нет, — закричало большинство зверей, но гномы сказали:

— Правильно, Темнолицый. Пойдем, обезьяна, покажи нам, что внутри Хлева. Увидим, тогда поверим.

Воспользовавшись минутной тишиной Обезьян сказал:

— Вы, гномы, и вправду думаете, что очень умны? Но не спешите. Я никогда не говорил, что вы не сможете увидеть Ташлана. Каждый, кто хочет, может увидеть его.

Все собрание замолчало. Минуту спустя медведь начал медленным, неуверенным голосом:

— Я не совсем понимаю все это, — проворчал он, — я думаю, вы сказали...

— Ты думаешь, — повторил Обезьян, — кто же назовет то, что происходит в твоей голове думаньем? Слушайте, вы, все. Каждый может увидеть Ташлана. Но он не будет больше выходить. Вы сами войдете и. увидите его,

— О, спасибо тебе, спасибо тебе, — раздались голоса. — Это все, чего мы хотели! Пойдем и увидим его лицом к лицу. Он добр, и все будет так, как должно быть.

Птицы болтали, псы возбужденно лаяли. Внезапно все зашевелились, и зашумели, как шумит множество созданий, поднимающихся на ноги. Через секунду большинство из них ринулись вперед, и они попытались ворваться в Хлев все вместе. Но Обезьян закричал:

— Назад! Тише! Не так быстро.

Звери остановились, многие застыли с лапой, поднятой в воздух, хвосты виляли, и все головы были повернуты в одну сторону.

— Я думал, ты сказал... — начал медведь, но Хитр прервал его.

— Каждый может войти, — сказал он, — но по одному. Кто пойдет первым? Он не обещал, что будет добр. Он облизывается с тех пор, как прошлой ночью проглотил проклятого короля. Утром он рычал. Сегодня мне самому неохота идти в Хлев. Но если вы хотите, пожалуйста. Кто войдет первым? Не обвиняйте меня, если он проглотит вас целиком или превратит в пепел одним ужасным взглядом своих глаз. Это ваше дело. Ну, кто первый? Кто-нибудь из гномов?

— Так вот и решиться пойти, чтобы быть убитым, — усмехнулся Гриффл. — Откуда мы знаем, что у тебя там?

— Хо-хо, — закричал Обезьян, — теперь вы думаете, что там что-то есть. Все вы, звери, так шумели минуту назад. Что заставило вас замолчать? Кто пойдет первым?

Но звери стояли, поглядывая друг на друга, а потом начали постепенно пятиться назад. Почти все хвосты были опущены. Обезьян прохаживался взад и вперед, подзадоривая их:

— Хо-хо-хо, — хихикал он, — я думаю, вы будете в восторге, взглянув на Ташлана лицом к лицу! Давайте, попытайтесь!

Тириан наклонил голову, чтобы услышать то, что Джил пыталась прошептать ему.

— Как ты думаешь, что на самом деле внутри Хлева? спросила она.

— Кто знает? — сказал Тириан. — Возможно, там два тархистанца с обнаженными ятаганамми по обеим сторонам двери.

— А ты не думаешь, — сказала Джил, — что это может быть... ну, ты знаешь... эта ужасная штука, которую мы видели?

— Сама Таш? — прошептал Тириан. — Не знаю. Мужайся, дитя, мы все между лапами истинного Аслана.

А потом случилось самое удивительное. Кот Рыжий проговорил без тени волнения в голосе:

— Я войду, с вашего позволения.

Все повернулись и уставились на него.

— Заметьте хитрость, сир, — сказал Поджин королю. Этот проклятый кот в самом центре заговора. Что бы там ни было в Хлеву, оно не тронет его, я уверен. Рыжий выйдет и скажет, что видел чудо.

Но у Тириана не было времени на ответ. Обезьян подал знак коту выйти вперед.

— Хо-хо, — сказал Хитр, — так ты, нахальная киска, собираешься поглядеть на него лицом к лицу. Входи! Я открою тебе дверь. Но не вини меня, если он обдерет тебе усы. Это твое дело.

Кот поднялся и вышел из толпы. Он прошел чинно и изящно, подняв хвост и ни один волосок его гладкой шерсти не шелохнулся. Он прошел мимо костра, так близко от Тириана, стоявшего за углом Хлева, что тот мог взглянуть ему прямо в лицо. Большие зеленые глаза кота не сверкали.

(«Холоден, как огурец, — пробормотал Юстэс, — он. знает, что там нет ничего страшного».) Обезьян, хихикая и гримасничая, шел за котом. Он протянул лапу, отодвинул засов и открыл дверь. Тириану показалось, что кот мурлычет, входя в темный дверной проем.

— Оу-у-у!... — это был самый жуткий кошачий крик на свете. И он заставил всех подпрыгнуть на месте. Если вы просыпались среди ночи от того, что кошки на крыше дерутся или ухаживают, вы слышали этот звук.

Это было ужасно. Рыжий выскочил из Хлева с огромной скоростью, пятками задев Обезьяна. Если бы вы не знали, что это кошка, то могли бы подумать, что это рыжая вспышка молнии. Он проскочил открытое пространство и врезался в толпу. Никому не хотелось иметь дело с кошкой в таком состоянии. Звери бросились врассыпную. Кот вскочил на дерево, крутанулся и повис вниз головой. Хвост его топорщился и был так же толст, как все тело. Глаза походили на блюдца зеленого огня. Каждый волосок на спине стоял дыбом.

— Я бы отдал свою бороду, — прошептал Поджин, — чтобы узнать, притворство ли это, или что-то действительно так его испугало.

— Тише, друг, — сказал Тириан, потому что капитан и Хитр зашептались, и он хотел услышать, о чем они говорят.

Но это ему не удалось. Единственное, что он услышал, как Обезьян захныкал: «Моя голова, моя голова», и решил, что они так же удивлены поведением кота, как и он сам.

— Ну, Рыжий, — сказал капитан, — хватит шуметь. Скажи нам, что ты там видел.

— Ау-ау-у, — завыл кот.

— Разве тебя не называют говорящим зверем? — сказал капитан. — Прекрати этот дьявольский шум и расскажи нам.

То, что последовало за этим было страшнее всего. Тириан и все остальные совершенно ясно почувствовали, что кот пытается сказать что-то, но из его рта не вылетало ничего, кроме обычных пронзительных кошачьих криков, которые можно услышать от любого сердитого или испуганного кота на каком-нибудь заднем дворе в Англии. И чем дольше он кричал, тем меньше был похож на говорящее животное.

Жалобный вой и пронзительный визг раздались среди зверей.

— Смотрите, смотрите! — это был голос кабана. — Он не может говорить. Он забыл, как разговаривают! Он снова превратился в немого зверя. Посмотрите на его морду.

И все увидели, что это правда. Несказанный ужас охватил нарнийцев, ибо каждый, еще щенком или птенцом, выучил, как Аслан в начале мира обратил зверей Нарнии в говорящих и предупредил их, что если они не будут добры, то могут однажды снова стать бедными бессловесными тварями, которые встречаются в других странах. «И теперь это случится с нами», — застонали все.

— Милосердия! Милосердия! — завывали звери. — Пощади нас, лорд Хитр, стань между нами и Асланом. Всегда говори с ним вместо нас. Мы не осмеливаемся. Мы не осмеливаемся.

Рыжий скрылся за деревом, и никто его больше не видел.

Тириан стоял, положив руку на рукоять меча и опустив голову. Он был изумлен кошмарами этой ночи. Временами он думал, что самое лучшее было бы вытащить меч и напасть на тархистанцев, а потом он думал, что лучше подождать и посмотреть, как дальше повернутся события. И поворот действительно произошел.

— Мой отец, — раздался ясный певучий голос слева. Тириан знал, что говорит тархистанец, ибо в армии Тисрока солдаты называли офицеров «мой господин», а офицеры обращались к старшим — «мой отец». Джил и Юстэс этого не знали, но взглядевшись, увидели говорившего, потому что пламя костра не загораживало тех, кто стоял по краям толпы. Он был молод и высок, строен и прекрасен в ярком, наглом тархистанском стиле.

— Мой отец, — сказал он капитану, — я прошу разрешения войти.

— Замолчи, Эмет, — ответил капитан. — Кто позвал тебя на совет? С каких пор мальчишки разговаривают?

— Мой отец, — возразил Эмет, — я действительно моложе, чем ты, но во мне, как и в тебе, течет кровь тарханов, и я тоже слуга Таш. Поэтому...

— Молчи, — приказал тархан Ришда, — разве я не твой капитан? Нет для тебя ничего в этом Хлеву. Это только для нарнийцев.

— Но, мой отец, — удивился Эмет, — разве, не ты сказал, что их Аслан и наша Таш — одно и то же? И если это правда, разве там не сама Таш? И почему ты говоришь, что мне там нечего делать, ведь я буду счастлив умереть тысячью смертей, если смогу взглянуть в лицо Таш?

— Ты глупец и ничего не понимаешь, — сказал тархан Ришда, — это высшие материи.

Но лицо Эмета выражало упрямство:

— Разве неправда, что Таш и Аслан — одно и то же? — спросил он. — Разве Обезьян лгал нам?

— Конечно, одно и то же, — подтвердил Хитр.

— Поклянись в этом, Обезьян, — сказал Эмет.

— О-о-о, — захныкал Хитр, — я хочу, чтобы все это кончилось, все, что раздражает меня. У меня болит голова. Да, да, я клянусь.

— Но, мой отец, — повторил Эмет, — я действительно хочу войти.

— Глупец... — начал тархан Ришда, но тут гномы закричали:

— Позволь ему. Темнолицый. Почему ты не позволяешь ему войти? Почему ты пускаешь иарнийцев и задерживаешь своих людей? Разве внутри что-то такое, с чем твои люди не должны встречаться?

Тириан и его друзья видели только спину тархана, поэтому они никогда не узнали, что было на его лице, когда он пожал плечами и сказал:

— Свидетельствую перед всеми, что я не виновен в крови этого молодого глупца. Входи, нетерпеливый мальчишка, и соверши опрометчивый поступок.

И Эмет, как и Рыжий, подошел к открытой полоске травы между костром и Хлевам. Глаза его сверкали, лицо было торжественно, руку он держал на рукояти ятагана, голова была высоко поднята. Джил чуть не расплакалась, когда увидела его лицо. А Алмаз прошептал королю на ухо: «Клянусь Львиной Гривой, мне нравится этот молодой воин, хоть он и тархистанец. Он заслуживает лучшего бога, чем Таш».

— Я бы хотел знать, что на самом деле там внутри, — сказал Юстэс.

Эмет открыл дверь, вошел в темную пасть Хлева и закрыл за собой дверь. Через несколько мгновений (показалось, что прошло очень много времени) дверь открылась снова. Кто-то в тархистанской одежде вылетел оттуда, упал на спину и остался лежать. Дверь закрылась. Капитан бросился вперед и наклонился, всматриваясь в лицо лежащего.

— Он удивился, но не подал вида, повернулся к толпе и крикнул: — Упрямый мальчишка исполнил свое желание. Он взглянул на Таш и умер. Это урок для всех вас.

— Да, да, — отозвались бедные звери. Тириан и его друзья взглянули на мертвого тархистанца, а затем друг на друга: они были близко, и увидели то, чего не видела толпа, бывшая далеко за костром: мертвый человек был не Эмет. Он был совсем другим: старше, толще, не такой высокий, и у него была большая борода.

— Хо-хо-хо, — захихикал Обезьян. — Кто еще? Кто-нибудь еще желает войти? Ну, если вы такие робкие, я сам выберу следующего. Ты, ты, кабан! Войди. Тащите его, тархистанцы, он увидит Ташлана лицом к лицу.

— Подходите, — захрюкал кабан, тяжело поднимаясь на ноги, — испытайте мои клыки.

Когда Тириан увидел, что храбрый зверь готов биться за свою жизнь, а тархистанские солдаты приближаются к нему с кривыми ятаганами, и никто не идет на помощь, все в нем перевернулось. Он больше не Думал, самый ли это удобный момент для того, чтобы вмешаться, или нет.

— Мечи наголо, — прошептал он остальным. — Стрелы на тетиву. За мной! Остолбеневшие нарнийцы увидели, как семь фигур выскочили из-за стены Хлева, четверо из них в сверкающих кольчугах. Меч короля блеснул в свете костра, когда он взмахнул им над головой и закричал громким голосом:

— Здесь стою я, Тириан Нарнийский, во имя Аслана, чтобы доказать своей кровью, что Таш — это отвратительный демон. Обезьян — предатель, а тархистанцы заслуживают смерти. За мной, все истинные нарнийцы! Или будете ждать, пока ваши новые хозяева убьют вас одного за другим?

Глава 11. ТЕМП СОБЫТИЙ УСКОРЯЕТСЯ

Тархан Ришда с быстротой молнии увернулся от королевского меча. Он был не трус, и мог бы бороться голыми руками против Тириана и гнома, будь в этом нужда, но он не мог сражаться с орлом и единорогом. Он знал, что орлы налетают на человека, выклевывают глаза и ослепляют крыльями. И он слышал от своего отца (который встречался с нарнийцами в битвах), что с единорогом может сражаться лишь тот, у кого есть стрелы или длинное копье. Единорог становится на задние ноги, когда нападает, и приходится иметь дело одновременно с копытами, рогом и зубами. Поэтому Ришда отпрянул в толпу и закричал:

— Ко мне, ко мне, воины Тисрока, да живет он вечно! Ко мне, все верные нарнийцы, а не то гнев Ташлана падет на вас.

Тут одновременно случились два события. Обезьян не мог справиться со своим ужасом так быстро, как тархан. Секунду или две он еще сидел, скрючившись позади огня и уставившись на новоприбывших. Тириан ринулся на жалкое создание, схватил его за загривок и потащил назад к Хлеву с криком: «Откройте дверь!» Поджин распахнул дверь. «Войди и выпей свое собственное зелье, Хитр», — воскликнул Тириан и швырнул Обезьяна в темноту. Но как только гном одним ударом захлопнул дверь, слепящая зеленовато-голубая молния сверкнула из Хлева, земля покач-

нулась, раздался странный шум, клекот и резкий крик, как будто кричала какая-то огромная охрипшая птица. Звери застонали, заревели и закричали: «Ташлан! Спрячьте нас от него».

Многие попадали на землю и спрятали морды в крылья и лапы. И никто, кроме орла Остроглаза, не заметил, какое лицо было у тархана Ришды. Остроглаз понял, что тархан удивлен и испуган не меньше, чем все остальные. «Так бывает со всяким, — подумал Остроглаз, — кто вызывает богов, в которых не верит. Что с ним будет, когда они действительно придут?»

И тут произошло единственное за эту ночь приятное событие: все говорящие псы (а их было около пятнадцати) подбежали с радостным лаем к королю. Это были огромные псы с широкой грудью и сильной пастью. Когда они подбегали, то напоминали огромную, разбивающуюся о морской берег волну. Она точно так же обрушивается на вас. И хотя все они были говорящими псами, но вели себя как простые собаки. Они клали передние лапы на плечи людей, лизали их лица, и все сразу говорили: «Приветствуем! Приветствуем! Мы поможем, поможем поможем. Скажите нам, как помочь. Где нужна помощь? Где, гав, где?»

Это было так трогательно, что вы бы заплакали. Именно на это все и надеялись. И когда в следующую минуту несколько мелких животных (мышей, кротов, белок) примчались, визжа от радости и крича: «Смотрите, смотрите, мы здесь», и когда подбежали медведь и кабан, Юстэс подумал, что все еще может повернуться к лучшему. Тириан же внимательно поглядел вокруг и увидел, что остальные животные не сдвинулись с места.

— Ко мне, ко мне! — закричал он. — Или вы стали трусами, и я уже не ваш король?

— Мы не осмеливаемся, — захныкали голоса. — Ташлан так сердит. Защити нас от Ташлана.

— Где говорящие кони? — спросил Тириан у кабана.

— Мы видели, мы видели, — запищала мышь. — Обезьян заставил их работать. Они привязаны внизу у подножья холма.

— Тогда вы, маленькие, — сказал Тириан, — вы, грызущие, гложущие и раскалывающие орехи, бегите стремглав, узнайте, на чьей стороне кони. Если они на нашей стороне, вонзите зубы в веревки и грызите их до тех пор, пока кони не будут свободны. Ведите их сюда.

— Будет исполнено, сир, — раздалась тоненькие голоса, и взмахнув хвостами, остроглазый и острозубый народец убежал. Тириан с нежностью улыбнулся им вслед. Но надо было подумать и о другом. Тархан Ришда тоже отдавал приказы.

— Вперед, — кричал он, — возьмите их всех живыми, если сможете, и швырните в Хлев, или втащите туда. Когда они все будут внутри, мы подожжем Хлев и принесем их в жертву великой богине Таш.

— Ха! — сказал Остроглаз самому себе. — И он надеется так заслужить прощение Таш за свое неверие? Вражеская линия, около половины сил Ришды, двигалась вперед, и у Тириана едва хватило времени, чтобы отдать приказания.

— Джил, на левую сторону, и попытайся стрелять как можно чаще, пока они доберутся до нас. Кабан и медведь рядом с ней. Поджин слева от меня, Юстэс справа. Держи правый фланг. Алмаз. Стань рядом с ним. Недотепа, и не забывай про свои копыта. Будь наготове и бей. Остроглаз. Вы, псы, позади нас. Нападайте на них, как только начнется бой на мечах. Да поможет нам Аслан!

Сердце Юстэса билось ужасно сильно, но он надеялся, что не струсит. Ничто так не охлаждало его кровь (хотя он видел и дракона, и Морского Змея), как вид темнолицых и яркоглазых людей. Там были пятнадцать тархистанцев, говорящий нарнийский буйвол, лис Прохвост и сатир Регл.

Тут Юстэс услышал слева свист тетивы, и один тархистанец упал. Снова засвистела тетива и упал сатир. «Отлично, дочка!» — послышался голос Тириана, и тут враги обрушились на них.

Юстэс не мог вспомнить, что происходило в следующие две минуты. Это было как сон (когда температура переваливает за сорок), пока он не услышал голос тархана Ришды, доносившийся издалека:

— Возвращайтесь и перестроимся.

К Юстэсу вернулась способность ощущать, и он увидел, что тархистанцы поспешно бегут, назад к своим. Но не все: двое лежали мертвыми, один, пронзенный рогом Алмаза, другой — мечом Тириана, лис лежал мертвым у его собственных ног, и Юстэс удивился, поняв, что именно он убил его. Буйвол тоже лежал со стрелой Джил в глазу и раной от клыков кабана в боку. С их сто-

роны тоже были потери. Три пса были убиты, а четвертый ковылял сзади на трех лапах и жалобно стонал. Медведь лежал на земле. Он пробормотал пересохшим ртом, сбитый с толку всем, что произошло: «Я не... понимаю...», положил свою большую голову на траву, тихо, как ребенок, который собирается заснуть, и больше уже не поднялся.

Действительно, первая, атака тархистанцев была неудачной, но Юстэс не успел обрадоваться этому: он ужасно хотел пить, и у него болела рука.

Когда потерпевшие поражение тархистанцы вернулись назад к командиру, гномы стали насмехаться над ними:

— Ну что, достаточно, Темнолицые? — хихикали они. — Не понравилось? Почему бы вашему великому тархану не выйти самому и не сразиться, вместо того, чтобы посылать вас на смерть? Бедные Темнолицые!

— Гномы, — крикнул Тириан, — идите сюда и пустите в дело не только свои языки, но и мечи. Нарнийские гномы! Я знаю, вы отлично умеете сражаться! Станьте верными снова!

— Ха-ха-ха, — издевались гномы. — Нет уж. Вы такие же обманщики, как и другие. Мы не хотим никаких королей. Гномы для гномов!

И тут послышался барабан: на этот раз не барабан гномов, а большой, тархистанский, из буйволово́й кожи. Дети с первого же момента возненавидели его звук: бум-бум-баба-бум.

— Они возненавидели бы его еще сильнее, если бы поняли, что произошло. А Тириан понял. Это означало, что где-то поблизости есть другие тархистанские отряды, и тархан Ришда зовет их на помощь. Тириан и единорог грустно переглянулись. Они только-только понадеялись, что смогут победить этой ночью. Но этого не будет -если враги получают подкрепление.

Тириан безнадежно огляделся. Одни нарнийцы стояли рядом с тархистанцами, потому что были предателями, или потому, что честно боялись «Ташлана». Другие сидели, внимательно глядя, но не присоединяясь ни к одной из сторон. Теперь животных стало меньше. Толпа значительно поредела. Многие из них тихо уползли прочь от битвы.

Бум-бум-ба-ба-бум, продолжал грохотать ужасный барабан. Затем к звукам барабана при-менились другие звуки.

«Слушайте», — сказал Алмаз, а чуть позже Остроглаз сказал: «Смотрите!». Минуту спустя все поняли, что произошло. Грохот копыт, вскинутые головы, развевающиеся гривы.

Это нарнийские говорящие кони атаковали холм. Грызуны сделали свое дело.

Гном Поджин и дети открыли рты, чтобы прокричать «ура», но «ура» не получилось. Внезапно воздух наполнился звоном натянутой тетивы и свистом летящих стрел. Это стреляли гномы, и Джил с трудом поверила своим глазам они целились в лошадей. Гномы были отличными лучниками. Конь за конем катились вниз, и никто из этих благородных созданий не добрался до короля.

— Маленькие свиньи, — взвизгнул Юстэс, приплясывая от возбуждения. — Грязные, отвратительные изменники. — И даже Алмаз сказал: «Можно я подберусь к этим гномам, сир, и насажу одним ударом десятков на свой рог?». Но Тириан с каменным лицом сказал:

— Остановись, Алмаз. Если ты обязательно должна плакать, моя радость, — это было сказано Джил, — отверни лицо, и постарайся, чтобы тетива не намокла. Тише, Юстэс, не бранись, как кухонная девчонка, брань не пристала воину, его язык — учтивые слова и тяжелые удары.

Но гномы стали издеваться над Юстэсом:

— Тебя это удивляет, мальчишка? Думал, мы на твоей стороне? Разве не ясно, что нам не нужны эти говорящие кони, мы не хотим, чтобы у вас было превосходство. Нас вы не заманите. Гномы для гномов! Тархан Ришда что-то говорил своим воинам, без сомнения отдавая команды перед следующей атакой, возможно, он хотел послать в бой сразу всех. Барабан продолжал бить. И вскоре Тириан и его друзья с ужасом услышали ответный, гораздо более слабый, далекий бой барабана. Другой отряд тархистанцев услышал сигнал Ришды и шел к нему на помощь. Но вы никогда не смогли бы догадаться по лицу Тириана, что он окончательно потерял, надежду.

— Слушайте, — прошептал он бесстрастным голосом, — мы должны атаковать снова, пока эти негодяи не стали сильнее, пока к ним не подошли соратники.

— Помните, сир, — сказал Поджин, — что у нас за спиной есть отличная деревянная стена Хлева, а если мы выйдем вперед, нас могут окружить и ударить в спину.

— Но разве это не их план — засунуть нас в Хлев? — спросил Тириан. — Чем дальше мы будем от этой смертельной двери, тем лучше.

— Король прав, — заметил Остроглаз. — Во что бы то ни стало прочь от проклятого Хлева и

от демона, который внутри.

— Да, прочь, — сказал Юстэс, — мне ненавистен даже его вид.

— Хорошо, — ответил Тириан, — теперь взгляните налево. Видите огромный камень, который белеет, как мрамор, в свете костра? Мы нападём на тархистанцев. Ты, девица, пойдёшь левее и будешь стрелять так быстро, как только сможешь, ты, орел, налетай на них справа, а мы в это время атакуем. Остальные будьте внимательны даже в пылу сражения, мы должны расправиться с ними за несколько минут, пока нас больше. Как только я крикну «назад, все бегите к камню и присоединяйтесь к Джил, там мы будем защищены с тыла и сможем отдохнуть. Теперь вперед, Джил.

Чувствуя себя ужасно одинокой, Джил отбежала на двадцать футов влево, встала, правая нога назад, левая вперед, и положила стрелу на тетиву. Ей хотелось, чтобы ноги не так дрожали. «Какой отвратительный выстрел», — сказала она, когда первая стрела пролетела над головами врагов. Но на тетиве уже была другая: Джил понимала, что самое главное — скорость. Она увидела что-то большое и черное рядом с лицами тархистанцев — это был Остроглаз. Один за другим воины роняли мечи и закрывали руками глаза, защищаясь от орла. Одна стрела пронзила тархистанца, другая попала в нарнийского волка, ставшего на сторону врагов. Но стреляла она всего несколько секунд. Сверкнули мечи, клыки кабана, рог Алмаза, послышался лай псов — это Тириан и его друзья обрушились на врагов стремительной лавиной. Джил удивилась, насколько тархистанцы оказались неготовыми к нападению — она не догадалась, что это они с орлом постарались. Редкий отряд может устоять перед тучей стрел и орлиным клювом.

— Отлично! Отлично! — кричала Джил. Королевская партия отрезала врагам путь направо. Единорог нанизывал тархистанцев на рог, как сено на вилы. Джил казалось, что даже Юстэс (хотя тот не так уж хорошо обращался с мечом) сражается прекрасно. Псы вцепились в глотки тархистанцам. Это была отличная работа. Это, наконец, была победа.

Но Джил заметила странную вещь и сердце ее похолодело. Хотя тархистанцы падали с каждым ударом нарнийского меча, меньше их не становилось. Наоборот, их было больше, чем в начале боя. Их становилось больше с каждой секундой. Они подходили со всех сторон. Это были новые тархистанцы, у них были копья, их было так много, что она уже с трудом различала своих друзей. И она услышала голос Тириана: «Назад, к камню».

Враги получили подкрепление — барабан сделал свое дело.

Глава 12. ЧЕРЕЗ ДВЕРЬ ХЛЕВА

Джил должна была вернуться к белому камню, но в пылу боя совершенно забыла эту часть приказа. А когда вспомнила, то повернулась и побежала. И добежала до него секундой раньше остальных. Получилось так, что на мгновение все оказались спинами к врагу. Достигнув камня, они повернулись и увидели ужасную картину: тархистанец тащил кого-то, кто пинал его ногами и вырывался, к двери Хлева.

Когда эти двое очутились между камнем и огнем, все увидели, кого тащил воин. Это был Юстэс.

Тириан и единорог бросились ему на помощь, но тархистанец был гораздо ближе к двери Хлева, и прежде, чем они пробежали хотя бы половину расстояния, тархистанец швырнул Юстэса в Хлев и захлопнул дверь. К нему подбежали еще полдюжины тархистанцев. Они вытянулись в линию на открытом пространстве перед Хлевом. Прорваться не было никакой возможности.

И даже в этот момент Джил вспомнила, что надо отворачиваться от лука. «Если я не могу сдерживать слез, я должна хотя бы не замочить тетиву», — твердила она себе.

— Берегись стрел, — внезапно сказал Поджин.

Все наклонились и надвинули шлемы поглубже. Псы залегли позади. Хотя несколько стрел и было пущено в их сторону, вскоре стало ясно, что стреляют не по ним.

Гриффл и его гномы снова взялись за луки. На этот раз они хладнокровно целились в тархистанцев.

— Держите их на прицеле, ребята! — раздался голос Гриффла. Все разом. Внимательнее. Темнолицые нужны нам не больше, чем обезьяны, львы или короли. Гномы для гномов.

Можно что угодно говорить о гномах, но никто не скажет, что они трусы. Гномы могли бы спрятаться в укрытие, но они остались и убивали воинов обеих сторон, когда их силы становились

неравны. Им нужна была Нарния для них самих.

Возможно, они не приняли в расчет, что тархистанцы в кольчугах, а лошади нет. Кроме того, у тархистанцев был вождь. Раздался голос тархана Ришды:

— Тридцати — держать глупцов у белого камня, остальные — за мной, мы дадим урок этим сынам земли.

Тириан и его друзья еще задыхались после битвы и были благодарны за короткую передышку. Они стояли и смотрели, как тархан Ришда вел своих солдат против гномов. Это была странная сцена.

Костер горел слабее, света давал меньше и окрашивал все в красноватый цвет. Вокруг, насколько видел глаз, не было никого кроме гномов и тархистанцев. В этом освещении нельзя было толком разобрать, что происходит, но слышно было, как гномы бьются с тархистанцами. Тириан слышал, что Гриффл ругается, а тархан время от времени кричит: «Берите их живыми! Берите живыми всех, кого можете!».

На что бы эта битва ни была похожа, она не могла длиться долго. Постепенно шум затих. Потом Джил увидела тархана, который приближался к Хлеву. Одиннадцать человек следовали за ним и тащили одиннадцать связанных гномов (убили ли остальных, или кто-то сумел убежать — неизвестно).

— Бросьте их в святилище Таш, — приказал тархан Ришда.

И когда одиннадцать гномов, одного за другим, затащили в темный дверной проем, и дверь была опять заперта, он низко поклонился Хлеву и произнес:

— Это жертва тебе, госпожа Таш, — а все тархистанцы ударили рукоятками мечей в щиты и закричали: — Таш, Таш, великая богиня Таш, неумолимая Таш! Теперь уже не было слышно этой чепухи о Ташлане.

Маленькая группка у белого камня наблюдала за происходящим и шепталась. Они нашли струйку воды, вытекавшую из-под камня, и жадно напились: Джил, Поджин и король из ладоней, четвероногие лакали из маленькой лужицы у подножия камня. И такова была их жажда, что питье это показалось им самым вкусным из всего, что они когда-либо пили. Утолив жажду, они повеселели и заговорили.

— Клянусь, я нутром чую, что все мы до рассвета, один за другим пройдем через эту темную дверь, — сказал Поджин.

— И я могу выдумать сотню смертей, которыми я предпочел бы умереть.

— Эта дверь как будто усмехается, — сказал Тириан, — она больше похожа на пасть.

— Разве нельзя сделать что-нибудь, чтобы остановить это? — спросила Джил дрожащим голосом.

— Ну, мой милый друг, — сказал Алмаз, ласково потершись носом, — для нас это может быть дверь в страну Аслана, и, возможно, уже сегодня ночью мы будем есть за его столом.

Тархан Ришда медленно прогуливался перед белым камнем, повернувшись спиной к Хлеву.

— Слушайте, — начал он, — если кабан и псы, и единорог выйдут и отдадутся на мою милость, им будет сохранена жизнь. Кабан отправится в клетку в саду Тисрока, собаки в псарни Тисрока, а единорог, после того, как ему спилят рог, будет таскать повозку. Но орел, дети и тот, кто был королем, будут принесены в жертву Таш этой ночью.

Ответом было только рычание.

— Вперед, воины, — воскликнул тархан, — убейте зверей, но возьмите двуногих живыми.

Началась последняя битва последнего короля Нарнии.

Безнадежной эту битву делали не только численность врагов, но еще и их копья. Те тархистанцы, что были с Обезьяном с самого начала, не имели копий, поскольку пробрались в Нарнию тайком, по одному или по двое, изображая мирных купцов, а копья — это не то, что легко спрятать. Но новые отряды, пришедшие позже, когда Обезьян был уже силен, шли открыто. Копья изменили все. Длинным копьем, если вы проворны и голова у вас защищена, вы можете убить кабана раньше, чем он пустит в дело свои клыки, а единорога прежде, чем он дотянется до вас рогом.

И теперь опущенные копья приближались к Тириану и его последним друзьям: им предстояло драться за свою жизнь.

Все было не так страшно, как вы думаете, потому что когда вы используете каждый мускул — увертываетесь от копий, прыгаете через них, бросаетесь вперед, отскакиваете назад, крутитесь — у вас не так уж много времени, чтобы бояться или унывать. Тириан знал, что не сможет помочь

другим; все были обречены. Он смутно видел, как с одной стороны от него упал кабан, а с другой — разъяренно сражается Алмаз. Краем глаза он заметил огромного тархистанца, тащившего Джил за волосы. Думать об этом было трудно, и только одна мысль осталась у него теперь — продать свою жизнь как можно дороже. Самое плохое, что он не мог удержать позицию у белого камня. Человек, который бьется с дюжиной врагов сразу, должен использовать все возможности, он должен стремительно бить туда, где увидел незащищенную шею или грудь врага. После нескольких ударов он оказывается далеко от первоначальной позиции. Тириан заметил, что он все ближе и ближе к Хлеву. В сознании промелькнула смутная мысль, что у него есть веская причина держаться отсюда подальше, но он не мог вспомнить ее.

Кроме того, он ничего не мог поделать.

Неожиданно все стало совершенно ясно. Он обнаружил, что бьется с самим тарханом, костер (или то, что от него осталось) горел перед ним, он бился у самой двери Хлева, она была открыта и два тархистанца держали ее, готовясь захлопнуть в тот момент, когда он окажется внутри. Теперь он вспомнил все, и понял, что враги незаметно заманивали его к Хлеву, с той самой целью, с какой вся битва и была начата. Он подумал, что должен сражаться с тарханом изо всех сил.

И тут новая мысль пришла в голову Тириану. Он отбросил меч, прыгнул прямо под лезвие кривой сабли тархана, схватил его обеими руками за ремень и шагнул в Хлев с криком:

— Пойдем вместе, и сам повстречайся с Таш! Раздался оглушительный грохот, такой же, как тогда, когда внутрь кинули Обезьяна, земля содрогнулась, вспыхнул ослепительный свет.

Тархистанские солдаты закричали снаружи: «Таш, Таш!» и с шумом захлопнули дверь. Если Таш нужен их капитан, Таш должна его получить. Во всяком случае, они встречаться с Таш не захотели.

Несколько мгновений Тириан не понимал, где он, и даже, кто он. Потом пришел в себя, заморгал и огляделся вокруг. Внутри Хлева не было темно, как он предполагал: Хлев был ярко освещен и именно поэтому Тириан моргал.

Он повернулся, чтобы посмотреть на тархана Ришду, но Ришда на него не глядел. Ришда издал ужасающий вопль и показал пальцем вперед. Потом закрыл лицо руками, и упал ничком, лицом в землю. Тириан взглянул туда, куда указывал тархан. И все понял.

Зловещая фигура приближалась к ним. Она была много меньше той, что они видели возле башни (хотя намного крупнее, чем человек), но это была она. У нее была птичья голова и четыре руки, клюв был открыт, а глаза сверкали.

Хриплый голос вырывался из клюва.

— Ты звал меня в Нарнию, тархан Ришда. Я здесь. Что ты хотел сказать мне?

Тархан не мог ни оторвать лица от земли, ни сказать ни слова. Он вздрагивал, как человек в икоте. В битве он был храбр, но половина его храбрости исчезла этой ночью, когда он начал понимать, что существует настоящая Таш. Здесь же он лишился и ее остатка. Внезапным резким движением

— так наклоняется петух, чтобы склонить червяка — Таш накинута на несчастного Ришду и подхватила его двумя правыми руками, затем повернула голову набок, чтобы взглянуть на Тириана одним из своих жутких глаз (конечно же, имея птичью голову, она не могла смотреть прямо).

Но в это мгновение голос позади Тириана, тихий, как залитое солнцем море, произнес:

— Убирайся, чудовище, и тащи в свою страну законную добычу, во имя Аслана и Великого Отца Аслана, Императора Страны-за-морем.

И страшное создание исчезло с тарханом под мышкой. Тириан повернулся, чтобы посмотреть на говорящего. И от того, что он увидел, сердце его забилося, как никогда не билось и в битве.

Семеро королей и королев стояли перед ним с коронами на головах, в сверкающих одеждах. На королях были великолепные кольчуги, в руках — обнаженные мечи. Тириан учтиво поклонился и уже хотел заговорить, когда младшая из королев рассмеялась. Он пристально вгляделся в ее лицо и задохнулся от изумления, ибо узнал ее. Это была Джил: но не та Джил, которую он видел в последний раз — с лицом в пыли и слезах, в старом платье из тика, наполовину соскользнувшем с плеча. Теперь она выглядела прохладной и свежей, такой свежей, как после ванны. Сначала Тириан подумал, что она стала старше, затем подумал, что она осталась такой же, и никак не мог остановиться на чем-нибудь одном. Потом он понял, что младший из королей — Юстэс, и изменился

он так же, как Джил.

Тириану внезапно стало неловко, что он пришел сюда с кровью, пылью и потом битвы, но тут же понял, что и сам стал иным — свежим, прохладным и чистым, одетым как на великих празднествах в Кэр-Паравеле. (В Нарнии хорошая одежда никогда не бывает неудобной, там знают, как делать ее столь же приятной на ощупь, как и на взгляд, и от одного конца страны до другого не найдешь таких вещей как крахмал, сукно или резинки).

— Сир, — сказала Джил, выходя вперед и делая прелестный реверанс, — позвольте мне познакомиться вас с Питером, Верховным Королем Нарнии.

Тириану не надо было объяснять, кто из них Верховный Король — он помнил его по своему сну (хотя здесь лицо короля стало еще более благородным). Он шагнул вперед, преклонил колено и поцеловал руку Питера.

— Верховный Король, — сказал он, — добро пожаловать.

А Верховный Король поднял его и поцеловал в обе щеки, как и должен сделать Верховный Король. Он подвел его к старшей из королев — но даже она не была старой, у нее не было седых волос и морщин на щеках — и сказал:

— Сэр, это леди Полли, она была в Нарнии в первый день, когда Аслан повелел деревьям расти, а зверям разговаривать. — Затем он подвел его к человеку, чья золотая борода спадала на грудь, а лицо было полно мудрости.

— А это, — продолжал он, — лорд Дигори, который был с ней в первый день. Мой брат — король Эдмунд, и моя сестра — королева Люси.

— Сэр, — сказал Тириан, когда поздоровался со всеми, если я правильно помню хроники, здесь должна быть еще одна королева. Разве у вашего величества не две сестры? Где королева Сьюзен?

— Моя сестра Сьюзен, — ответил Питер коротко и сурово, — больше не друг Нарнии.

— Да, — кивнул Юстэс, — когда вы пытаетесь поговорить с ней о Нарнии, она отвечает: «Что за чудесная у вас память. Удивительно, что вы еще думаете об этих смешных играх, в которые играли детьми».

— О, Сьюзен! — вздохнула Джил. — Она теперь не интересуется ничем, кроме нейлоновых чулок, губной помады и приглашений в гости. Она всегда выглядит так, будто ей хочется поскорее стать взрослой.

— Взрослой, — хмыкнула леди Полли, — я бы хотела, чтобы она действительно стала взрослой. Пока она была школьницей, она ждала своего теперешнего возраста, и проведет всю жизнь, пытаясь в нем остаться. Основная ее идея — как можно быстрее мчаться к самому глупому возрасту в жизни, а потом оставаться в нем как можно дольше.

— Не будем сейчас говорить об этом, — сказал Питер. Смотрите, какие здесь прекрасные фрукты. Пойдемте, попробуем их.

Тут Тириан в первый раз огляделся вокруг и понял, каким странным было это приключение.

Глава 13. КАК ГНОМЫ ОТКАЗАЛИСЬ БЫТЬ ОБМАНУТЫМИ

Тириан подумал — или, вернее, мог бы подумать, будь у него на это время

— что они находятся внутри маленького соломенного хлева около двадцати футов длиной и шести шириной. В действительности же они стояли на траве, над ними простиралось глубокое синее небо, а воздух приятно обвеивал их лица, как будто было раннее утро. Неподалеку росли купы деревьев с густой листвой, из-под каждого листа выглядывал золотой, бледно-желтый, пурпурный или ярко красный плод, какого не найдешь в нашем мире. Плоды навели Тириана на мысль об осени, но в воздухе было что-то говорившее о том, что вокруг лето и никак не позже июня. Все направились к деревьям.

Каждый сорвал тот плод, который ему понравился, и секунду все помедлили. Эти фрукты были так прекрасны, что каждый подумал: «Это не для меня... уверен, что мы не должны срывать их».

— Все в порядке, — сказал Питер, — я знаю, что мы все чувствуем, но я уверен, совершенно уверен — мы зря боимся. Мне кажется, мы попали в страну, где все разрешено.

— Так давайте! — сказал Юстэс, и они начали есть.

На что эти плоды были похожи? Они не могли описать их вкуса. Я же скажу только, что, по

сравнению с ними самый свежий грейпфрут, который вы когда-либо ели, казался вялым, самый сочный апельсин — сухим, груша, тающая во рту — твердой как дерево, а самая сладкая земляника — кислой. В этих плодах не было семян или косточек, а вокруг них не было ос. Если бы вы хоть однажды попробовали эти плоды, то самые прекрасные яства в мире показались бы потом невкусными, как лекарство. Как мне описать их вкус? Вы не поймете, на что они похожи, пока сами не попадете туда и не попробуете.

Когда они съели уже довольно много, Юстэс сказал королю Питеру:

— Ты не расскажешь нам, как вы сюда попали? Ты собирался это сделать, когда появился король Тириан.

— Я не многое могу рассказать, — ответил Питер, — мы с Эдмундом стояли на платформе, и видели, как подходит ваш поезд. Помнится, я подумал, что он слишком быстро едет на повороте, и еще я подумал, как смешно, что наши, возможно, в том же поезде, а Люси об этом не знает...

— Ваши, Верховный Король? — спросил Тириан.

— Я имею в виду наших папу и маму — Эдмунда, Люси и моих.

— Как они оказались там? — спросила Джил. — Не хочешь ли ты сказать, что они знают о Нарнии?

— О, нет, они ничего не знают о Нарнии. Они ехали в Бристоль. Я слышал, что они собираются ехать утром. А Эдмунд сказал, что они обязательно поедут этим поездом. (Эдмунд был из тех людей, которые знают все о железных дорогах).

— И что случилось потом? — спросила Джил.

— Ну, это нелегко описать, — ответил Верховный Король, — да, Эдмунд?

— Не очень легко, — согласился Эдмунд. — Это было не похоже на те разы, когда нас вытаскивало из нашего мира с помощью Магии. Раздался ужасный рев, что-то ударило меня, но не ушибло. Я почувствовал, что это не так пугает, как... ну... волнует. И... еще одна странная вещь — у меня болело колено, ссадина, которую я получил, играя в регби, и я заметил, что колено внезапно прошло. Я почувствовал себя очень легко, и затем... мы очутились здесь.

— Нечто похожее произошло и с нами в вагоне, — сказал лорд Дигори, вытирая остатки плодов с золотой бороды. — А главное, что мы с тобой, Полли, перестали чувствовать себя одеревеневшими стариками. Вы, юнцы, этого не понимаете, но мы перестали чувствовать себя старыми.

— Юнцы! В самом деле! — возразила Джил., — Я не верю, что здесь вы оба намного старше нас.

— Мы не возражаем, — заметила леди Полли.

— А что случилось с тех пор, как вы попали сюда? — спросил Юстэс.

— Ну, — сказал Питер, — долгое время (я действительно уверен, что это было долгое время) ничего не случалось. Затем дверь открылась...

— Дверь? — удивился Тириан.

— Да, — сказал Питер, — дверь, через которую ты вошел... или вышел. Разве ты забыл?

— Но где она?

— Посмотри, — ответил Питер.

Тириан оглянулся и увидел самую странную вещь, из всех, которые вы можете себе вообразить. В нескольких ярдах от них, хорошо видная в солнечном свете, стояла грубая деревянная дверь, в деревянной же раме. И ничего больше: ни стен, ни крыши. Тириан подошел к ней, сбитый с толку, остальные последовали за ним — посмотреть, что он будет делать. Он обошел дверь кругом, но с той стороны она выглядела точно также. Тут тоже были солнце и трава. Дверь просто стояла, словно она росла здесь, как дерево.

— Благородный сэр, обратился Тириан к Верховному Королю, — это величайшее чудо.

— Это та самая дверь, через которую ты появился с тархистанцем минут пять назад, — сказал Питер, смеясь.

— Но разве я не попал в Хлев из леса? Похоже, дверь ведет из ниоткуда в никуда.

— Так кажется, если обходишь вокруг, — возразил Питер, — но приложи глаз к щели между двумя планками и посмотри сквозь нее.

Тириан приложил глаз к отверстию. Сначала он не видел ничего, кроме темноты, но затем его глаза привыкли, и он разглядел перед собой слабый красноватый отблеск костра и звезды на черном небе. Он увидел темные фигуры, они стояли или передвигались между ним и огнем. Он

слышал, о чем там говорят, и голоса были похожи на тархистанские. И он понял, что смотрит через дверь Хлева в темноту равнины Фонарного столба, где сражался в своей последней битве. Солдаты обсуждали, надо ли идти искать тархана Ришду (никто не хотел этого делать), или лучше поджечь Хлев. Он снова посмотрел вокруг и с трудом поверил своим глазам. Над ним было голубое небо и во все стороны, без конца и края, расстилалась покрытая травой земля, а его новые друзья стояли рядом и смеялись.

— Похоже на то, — сказал Тириан, рассмеявшись сам, что этот Хлев, изнутри, и тот Хлев, что снаружи — два совершенно различных места.

— Да, — подтвердил лорд Дигори, — его содержимое больше его оболочки.

— Да, — подхватила королева Люси, — в нашем мире тоже был однажды такой Хлев, где внутри было нечто большее, чем весь наш мир.

Она впервые заговорила, и по трепету в ее голосе Тириан понял почему. Она воспринимала все гораздо глубже и была слишком счастлива, чтобы говорить. Ему захотелось снова услышать ее голос, и он попросил:

— Будьте так любезны, леди, продолжайте, расскажите о ваших приключениях.

— После шока и шума, — начала Люси, — мы обнаружили, что попали сюда. Мы тоже пришли в изумление от этой Двери. Потом она открылась в первый раз (мы увидели темноту) и вошел огромный человек с обнаженной саблей, судя по всему — тархистанец. Он встал за дверью с саблей, поднятой на плечо, готовый обрушить ее на того, кто войдет. Мы подошли к нему и заговорили, но он нас не видел и не слышал. Он не глядел на небо, на солнечный свет, на траву — я думаю, что видеть все это он не мог. Так мы ждали довольно долго. Потом услышали, как с той стороны отодвигают засов. Но солдат не изготавился ударить саблей вошедшего, он сначала хотел рассмотреть, кто это. Мы поняли, что ему было приказано рубить одних и пропускать других. Когда дверь открылась, здесь, с этой стороны двери, внезапно появилась Таш. Никто не заметил, откуда она взялась. А в дверь вошел большой кот. Он лишь раз взглянул на Таш и убежал, спасая свою жизнь. И вовремя, ибо Таш бросилась за ним, а дверь, закрываясь, стукнула ее по клюву. Солдат видел Таш. Он повернулся, и с побледневшим лицом низко склонился перед чудовищем, но оно исчезло. Снова долгое время ничего не происходило. Наконец, дверь открылась в третий раз, и вошел молодой тархистанец. Мне он понравился. Часовой у двери был изумлен, увидев его, и я подумала, что он ожидал кого-то совершенно другого...

— Я все понял, — вмешался Юстэс (у него была привычка перебивать рассказчика), — кот должен был войти первым, и часовой получил приказ не трогать его. Затем кот вышел бы и сказал, что видел их ужасного Ташлана, изображал бы испуг, чтобы напугать остальных зверей. Но Хитр не мог догадаться, что в Хлеву — настоящая Таш. Поэтому Рыжий выскочил действительно испуганным. А потом Хитр послал бы того, от кого он хотел избавиться. И часовой убил бы его. И...

— Друг, — сказал Тириан мягко, — ты мешаешь леди рассказывать.

— Часовой, — продолжала Люси, — был удивлен. Это дало вошедшему время, чтобы подготовиться к обороне. Они сражались друг с другом, и он убил часового, и выкинул его тело за дверь. Потом медленно пошел вперед, туда, где были мы. Он видел нас, и все остальное. Мы попытались заговорить с ним, но он был как в трансе, все время повторяя: «Таш! Таш! Где Таш? Я иду к Таш». Поэтому мы дали ему пройти, и он пошел дальше. Он мне понравился. А после этого... уф! — Люси переменялась в лице.

— После этого, — произнес Эдмунд, — кто-то кинул через дверь обезьяну, и Таш появилась снова. Моя сестра так мягкосердечна, что не сможет рассказать, как Таш покончила с обезьяной одним ударом клюва.

— Поделом ему, — заметил Юстэс, — Обезьян не поладил и с Таш.

— Потом, — продолжал Эдмунд, — сюда попал Юстэс, потом несколько гномов, за ними Джил, и наконец, вы сами.

— Я надеюсь, что Таш съела и гномов, — проворчал Юстэс. — Маленькие свиньи...

— Нет, этого она не сделала, — ответила Люси, — все было не так ужасно. Они здесь. Их видно отсюда. Я пыталась подружиться с ними, но это бесполезно.

— Подружиться с ними! — закричал Юстэс. — Разве ты не знаешь, как эти гномы вели себя!

— Остановись, Юстэс, — сказала Люси, — пойдем и ты посмотришь на них. Король Тириан, возможно, вы сможете что-то сделать.

— Не могу сказать, что сегодня я очень люблю гномов, отозвался Тириан,

— но по вашей просьбе, леди, я сделаю все.

Люси повела их, и вскоре они увидели гномов. Это было странное зрелище. Гномы не прогуливались, не радовались и не отдыхали (хотя связывающие их веревки исчезли), они сидели маленьким тесным кружком, лицом друг к другу, не глядели по сторонам и не замечали никого, пока Люси и Тириан не подошли так близко, что смогли прикоснуться к ним. Гномы разом подняли головы, как будто ничего не видя, а только прислушиваясь и пытаясь по звукам угадать, что происходит.

— Осторожней! — угрюмо сказал один, — соображайте, куда идете, вы сейчас наступите нам на головы!

— Вот еще, — возмутился Юстэс. — Мы не слепые, у нас есть глаза.

— У тебя, должно быть, прекрасное зрение, если ты можешь здесь хоть что-нибудь разглядеть, — буркнул тот же гном (звали его Диггл).

— Здесь? — спросил Эдмунд.

— Какой ты тупица, конечно здесь, — ответил Диггл, — в этой черной как смоль, вонючей маленькой дыре.

— Вы ослепли? — спросил Тириан.

— А разве ты не слепнешь в темноте? — отозвался Диггл.

— Но ведь здесь светло, глупые гномы, — воскликнула Люси. — Разве вы не видите? Посмотрите! Посмотрите вокруг! Разве вы не видите неба, деревьев, цветов, разве вы не видите меня!

— Как, во имя всех Обманщиков, я увижу то, чего нет, и как я могу видеть тебя лучше, чем ты меня, в такой темнотище?

— Но я вижу тебя, — возразила Люси. — И могу это доказать. У тебя во рту трубка.

— Так может сказать каждый, кому знаком запах табака, — отозвался Диггл.

— О, бедняги! Это ужасно, — огорчилась Люси. И тут у нее возникла мысль. Она сорвала дикую фиалку: «Послушай, гном, если у тебя что-то не то с глазами, то с носом, наверно, все в порядке. Понюхай это». Она наклонилась и поднесла свежий влажный цветок к безобразному носу Диггла. Но ей пришлось быстро отскочить назад, чтобы избежать удара маленького тяжелого кулака.

— Как ты смеешь? — закричал он. — Зачем ты суешь этот мерзкий помет прямо мне в лицо? Тут еще и чертополох. Что за нахальство! Кто ты?

— Подземный житель, — сказал Тириан, — она — королева Люси, посланная сюда Асланом в глубоком прошлом. И только ради нее, я, Тириан, ваш законный король, не снесу вам головы немедля, ведь вы предали дважды.

— Ну, это уж слишком! — воскликнул Диггл. — Как ты можешь нести такой вздор? Разве твой чудесный лев пришел на помощь? И теперь — даже теперь — когда вы разбиты и брошены в эту темную дыру, вы продолжаете старую игру. Придумали бы новую ложь! Пытаетесь заставить нас поверить, что никто не заперт в темноте, и еще неизвестно во что.

— Это не темная дыра, пойми, глупец, — закричал Тириан. — Выходи отсюда, — он подался вперед, схватил Диггла за ремень и колпак и вытащил из тесного кружка гномов. Как только Тириан поставил его на землю, Диггл метнулся назад на свое место, потер нос и завыл:

— О-о-о, что ты сделал! Стукнул меня лицом о стену! Ты расшиб мне нос.

— Боже мой! — сказала Люси. — Что мы можем сделать для них?

— Оставим их, — предложил Юстэс.

В этот миг земля задрожала, сладкий воздух внезапно стал еще слаще, что-то яркое вспыхнуло позади. Все повернулись. Тириан обернулся последним, потому что боялся. Мечта его сердца — огромный, настоящий, золотой Лев, сам Аслан был там. Все стояли на коленях вокруг его передних лап, спрятав руки и лица в гриве, а он поворачивал голову, касаясь их языком. Затем он устремил взгляд на Тириана, и тот, дрожа, подошел, стремительно обнял лапы Льва, а Лев поцеловал его и сказал: «Отлично, последний король Нарнии, твердо стоявший в последний час.»

— Аслан, — попросила Люси сквозь слезы, — можешь ли ты... сделаешь ли ты что-нибудь для этих бедных гномов?

— Дорогая, — ответил Аслан, — я покажу тебе, что я могу сделать, и чего не могу. Он подошел к гномам поближе и издал низкое рычание, сотрясшее воздух. Гномы заговорили друг с другом: «Слышишь? Это та шайка на другом конце Хлева. Пытаются испугать нас. Они делают это специальной машиной, не будем обращать внимания. Не дадим снова обмануть нас».

Аслан поднял голову и потряс гривой. Внезапно на коленях у гномов оказались роскошные яства: пироги, языки, голуби, трюфели, мороженое, а в правой руке у каждого бокал с отличным вином. И все было бесполезно. Они начали жадно есть и пить, но было ясно — они не понимают, что у них в руках. Им казалось, будто они едят то, что можно найти в Хлеву. Один говорил, что пытается есть солому, другой — что нашел кусок старой репы, а третий — что ест сырой капустный лист. Потом они подняли к губам золотые бокалы с красным вином и сказали: «Нравится ли вам пить грязную воду из того же корыта, что и осел? Никогда не думали, что дойдем до такого». Вскоре каждому стало казаться, что другой нашел что-то более вкусное; они начали драться и отнимать друг у друга куски и ссорились до тех пор, пока не завязалась настоящая драка, и вся изысканная еда была размазана по их лицам и одежде и растоптана под ногами. Наконец они сели, чтобы привести в порядок кровоточащие носы, и сказали:

— Во всяком случае, здесь нет Обманщика. Мы никому не позволим обманывать нас. Гномы для гномов.

— Вот видите, — промолвил Аслан, — они не позволяют нам помочь им. Они выбрали хитрость вместо веры. Их тюрьма внутри них, и потому они в тюрьме. Они так боятся быть обманутыми, что не могут выйти из нее. Пойдемте, дети. У меня есть еще одно дело.

Он подошел к двери, и все последовали за ним. Он поднял голову и прорычал: «Пришло время!», и затем громче: «Время!», и затем так громко, что голос его дошел до звезд: «ВРЕМЯ». И Дверь открылась.

Глава 14. НОЧЬ ПАДАЕТ НА НАРНИЮ

Они стояли позади Аслана, чуть справа, и смотрели в открытый дверной проем. Костер погас, все погрузилось во тьму. Понять, что перед вами лес, было невозможно, если бы не было видно, где кончаются темные контуры деревьев и начинаются звезды. Когда Аслан зарычал снова, они увидели слева черную тень, закрывшую звезды. Она поднималась все выше и выше, и приняла обличье человека, величайшего из всех великанов. Все знали Нарнию достаточно хорошо, и понимали, что он стоит на покрытом вереском северном плоскогорье, за рекой Шрибл. Тогда Джил и Юстэс вспомнили, как однажды, много лет назад, в глубокой пещере на северной равнине они видели огромного спящего великана, и им сказали, что его зовут Отец Время, и проснется он в тот день, когда мир кончится.

— Да, — сказал Аслан, хотя никто не задал вопроса, — пока он лежал спящим, имя ему было — Время, теперь, проснувшись, он получит новое имя.

Огромный великан поднес ко рту рог, они увидели это по тому, как изменилась черная тень, закрывающая звезды. Мгновением позже — потому что скорость звука меньше скорости света — они услышали звук рога, высокий и ужасный, но прекрасный странной мертвенной красотой.

И небо медленно стало наполняться, падающими звездами. Даже одна падающая звезда — прекрасное зрелище, а тут были десятки, потом сотни, как будто пошел серебряный дождь, и дождь этот продолжался и продолжался. Спустя какое-то время они заметили на небе еще одну черную тень. Она была в другом месте, справа, на самой крыше неба, если можно так сказать. «Наверное, облако», — подумал Эдмунд. По крайней мере, там не было звезд, только темнота. А звездный ливень вокруг продолжался. Беззвездное пятно начало расти, распространяться все шире и шире по небу. И уже четверть неба была черной; а затем — половина, и, наконец, падающие звезды остались только на узкой полоске около горизонта.

С дрожью удивления (и даже ужаса) они внезапно поняли, что случилось. Эта расплзающаяся темнота была не облако, а просто пустота. Все звезды упали. Аслан позвал их домой. Последние мгновения звездного дождя взволновали всех. Звезды начали падать вокруг них. Но звезды в этом мире не огромные пылающие шары, как в нашем; они — люди. (Эдмунд и Люси уже встречали некоторых из них). Теперь они увидели ливень сверкающих людей. У них были длинные волосы, сияющие, как расплавленное серебро, а в руках — пики из раскаленного металла. Они летели сквозь черный воздух быстрее, чем падающие камни. Когда они приземлялись и поджигали вокруг себя траву, слышался шипящий звук. Звезды скользнули мимо них и остановились позади, немного правее.

Это было очень удобно, ведь когда на небе нет больше звезд, все погружается во тьму, и ничего не видно. Толпа звезд позади них распространяла ослепительный свет. В нем нарнийские ле-

са были видны на многие мили вперед, как в свете прожектора. Каждый куст и былинка отбрасывали черные тени. Казалось, что о край любого листа можно обрезать

— такими острыми они выглядели.

На траве перед ними лежали их собственные тени. Самой величественной была тень Аслана, она простиралась налево от них, громадная и ужасная. И все это было под небом, которое стало беззвездным навеки.

Свет, идущий сзади, был настолько силен, что освещал все склоны северных равнин. Там что-то двигалось. Огромные звери ползли в Нарнию: большущие драконы, гигантские ящеры и птицы с крыльями без оперения, как у летучих мышей. Когда они показались в лесах, несколько минут царило молчание. Затем послышались — сначала издали — вой, шуршание со всех сторон, топот и шелест крыльев; они становились все ближе и ближе. Вскоре уже можно было отличить галоп маленьких ног от мягкой походки больших лап и легкое «цок-цок» маленьких копыт от громоподобного цоканья больших. Потом стали видны тысячи пар светящихся глаз. И, наконец, в тени деревьев показались бегущие изо всех сил, сбившиеся в кучу, тысячи и миллионы разных созданий: говорящие звери, гномы, сатиры, фавны, великаны, тархистанцы, жители Орландии, Одиноких Островов и странные подземные создания, живущие на отдаленных островах и неизвестных западных землях. Все они бежали к Двери, где стоял Аслан.

И именно эта часть событий показалась им более всего похожей на сон, и вспомнить ее потом было труднее всего. Никто не мог сказать, сколько все это, продолжалось. Иногда им казалось, что прошло несколько минут, а иногда

— что это длилось годы. Очевидно, либо Дверь стала значительно больше, либо все создания — гораздо меньше, размером с насекомых, иначе как такая толпа смогла бы пройти в нее? Но в тот момент об этом никто не думал.

По мере того, как толпа приближалась к стоящим звездам, глаза созданий становились все ярче и ярче. Когда они подходили к Аслану, с каждым из них что-то случалось. Все глядели ему прямо в лицо; я не думаю, что у них был выбор — глядеть или нет. И когда они так смотрели, выражение их лиц ужасным образом менялось — появлялись страх и ненависть. На лицах говорящих зверей страх и ненависть удерживались долю секунды, и было видно, как они внезапно переставали быть говорящими и становились обычными животными. Все эти создания сворачивали направо — от него налево, и оказывались в его огромной черной тени, которая (как вы помните) лежала влево от дверного проема. Дети их никогда больше не видели и я не знаю, что с ними стало. Но другие смотрели в лицо Аслана с любовью, хотя кое-кто и был испуган. Эти проходили в Дверь справа от Аслана. Среди них были странные экземпляры. Юстэс даже узнал одного из гномов, тех, что стреляли в лошадей, но у него не было времени удивляться (кроме того, это было не его дело), потому что все вытеснила огромная радость: среди счастливых созданий, которые проходили толпой мимо Тириана и его друзей, были те, кого они считали мертвыми — кентавр Рунвит и единорог Алмаз, добрый Кабан и добрый Медведь, и орел Остроглаз, и Псы, и Кони, и гном Поджин.

— Дальше и выше! — закричал Рунвит и галопом поскакал на запад. Они не поняли, но слова эти почему-то отозвались в них. Кабан радостно хрюкнул. Медведь собирался проворчать, что не понимает, когда увидел фруктовые деревья. Он быстро побежал к ним, и здесь, без сомнения, нашел то, в чем хорошо разбирался. Псы, приветственно подняв хвосты, остались, остался и Поджин, который пожал всем руки и ухмыльнулся во весь рот. Алмаз склонил белоснежную голову на плечо короля, и король зашептал ему что-то на ухо. Тут все снова обратили внимание на то, что творилось в дверном проеме.

Драконы и гигантские ящеры были теперь в самой Нарнии. Они шли, рвали деревья когтями, грызли их, как будто это были стебли ревеня. Через несколько минут все деревья были уничтожены. Страна стала голой, и был виден весь ее рельеф, все бугорки и впадины, незаметные раньше. Трава умерла. Тириан обнаружил, что смотрит на мир из земли и голого камня. Трудно было поверить, что здесь было что-то живое. Сами чудовища состарились, упали и умерли, их плоть сморщилась и показались кости, и вскоре только огромные скелеты лежали тут и там на мертвых камнях. Они выглядели так, как будто умерли тысячи лет тому назад. Долгое время все оставалось без перемен.

Наконец что-то белое — длинная, узкая полоса, сверкающая в свете звезд

— двинулось на них с восточного конца мира. Стремительно нарастающий шум прервал

молчание: сначала журчание, потом грохот и рев. Теперь они увидели, что это, и как быстро оно приближается: это была пенящаяся стена воды. Море поднялось. В безлесном мире оно было видно очень отчетливо. Реки становились шире, озера увеличивались, сливались в одно, долины превращались в озера, а холмы стали островами; затем и эти острова исчезли. Высокие плоскогорья справа и слева и еще более высокие горы справа раскололись и рухнули с ревом и всплеском во вздыбившиеся волны. Вода закружилась в водовороте у дверного проема (но не пошла в него), а пена плескалась у передних лап Аслана. Все было покрыто водой — от места, где они стояли, до места, где вода встречалась с небом.

Оттуда начал пробиваться свет. Полоска бедственной и мрачной зари показалась над горизонтом, она ширилась и становилась все ярче; они уже с трудом различали свет звезд, стоявших за ними. Наконец взошло солнце и, когда оно взошло, лорд Дигори и леди Полли поглядели друг на друга и кивнули. Однажды, в другом мире, они видели умирающее солнце, и сразу поняли, что и это солнце умрет. Оно было в три раза — в двадцать раз — больше, чем обыкновенно, и темно-красного цвета. Его лучи упали на великана Время и окрасили его багровым цветом. И, отражая солнце, вся долина, все пространство безбрежной воды выглядело, как кровь.

Потом взошла луна, она располагалась совершенно не правильно — очень близко к солнцу — и тоже была красной. В ее свете солнце начало выстреливать огромные протуберанцы, выглядывшие как усы или змеи из малинового пламени, тянущиеся по направлению к луне. Это выглядело так, как будто солнце было осьминогом, пытающимся щупальцами подтащить к себе луну. И, возможно, оно тащило ее. Во всяком случае, луна приближалась к нему, сначала медленно, а потом быстрее и быстрее, пока длинные языки пламени не обвились вокруг нее; и они слились вместе и стали одним громадным шаром, похожим на горящий уголь. Гигантские глыбы огня падали в море, поднимая облака пара.

Затем Аслан сказал: «Теперь кончай».

Великан бросил свой рог в море, вытянул руку — она выглядела черной и казалась длиной в тысячу миль — вдоль неба, и достал до солнца. Он взял солнце и сжал его в руке, как вы можете сжать апельсин. И внезапно наступила полная тьма. Все кроме Аслана отскочили назад от ледяного воздуха, который задул через Дверь. Деревянная рама покрылась сосульками.

— Питер, Верховный Король Нарнии, — сказал Аслан, — закройте дверь. Питер, дрожа от холода, двинулся в темноту и закрыл Дверь, сбив при этом сосульки. Потом довольно неловко (руки его посинели и оокоченели) вытащил золотой ключ и запер ее. Они видели много странного через дверной проем, но самыми странными были теплый дневной свет и голубое небо над головой, цветы под ногами и улыбка в глазах Аслана. Он крутанулся, припал к земле, хлестнул себя хвостом и помчался, как золотая стрела.

— Идите выше! Идите дальше! — крикнул он через плечо. Кто же мог за ним угнаться? Они двинулись на запад.

— Так, — сказал Питер, — ночь упала в Нарнию. Ну, Люси! Не плачь! Аслан впереди, Аслан с нами, и мы все вместе.

— Не останавливай меня, Питер, — ответила Люси, — я уверена, что Аслан не останавливал бы. Я думаю, Нарния стоит того, чтобы ее оплакивать. Подумай обо всем, что лежит мертвым и замерзшим за Дверью.

— А я надеялась, — сказала Джил, — что это может продолжаться вечно. Я знала, что наш мир не может, но думала, что Нарния может.

— Я видел ее начало, — проговорил лорд Дигори, — но не думал, что увижу, как она умрет.

— Сэры, — сказал Тириан, — дамам пристойно плакать. Смотрите, я делаю то же самое. Я видел смерть своей матери. Какой мир, кроме Нарнии, я еще знаю? Будет недостойно и бессердечно не оплакать Нарнию.

И они ушли от Двери и от гномов, которые сидели, сгрудившись вместе, в воображаемом хлеву. Они говорили о старых войнах и прежнем мире, о древних королях и всей истории Нарнии.

Псы были вместе с ними. Они присоединялись к беседе, но не слишком часто, потому что были очень заняты, бегая взад и вперед и нюхая что-то в траве до тех пор, пока не начали чихать. Внезапно они обнаружили запах, который их взволновал и начали обсуждать его: «Да, это... Но это не... Это то, что я сказал — каждый может учуять, что это...». Уберите отсюда ваши носы и дайте кому-нибудь еще понюхать».

— Что такое, двоюродные братья? — спросил Питер.

— Тархистанец, сир, — ответили одновременно несколько голосов.

— Ведите нас к нему, — сказал Питер, — как бы он ни встретил нас, добром или злом, он будет принят радушно. Псы ринулись вперед, и тут же вернулись назад, торопясь так, как будто от этого зависела их жизнь. Они громко лаяли, говоря, что это действительно тархистанец. (Говорящие Псы, как и обычные, ведут себя так, будто думают, что их дела самые важные). Все направились туда, куда вели Псы, и увидели юного тархистанца, сидевшего под каштаном у чистого потока. Это был Эмет. Он поднялся и храбро поклонился.

— Сэр, — обратился он к Питеру, — я не знаю, друзья вы или враги, но высокая честь — иметь вас друзьями или врагами. Разве не сказал один поэт, что благородный друг — это лучший дар, а благородный враг — еще лучший?

— Сэр, — ответил Питер, — я не знаю, есть ли нужда нам враждовать?

— Расскажите нам, кто вы и что с вами случилось, — попросила Джил.

— Если мы собираемся рассказывать истории, давайте утолим жажду и сядем, — пролаяли Псы. — Мы совсем запыхались.

— Ну, конечно, запыхаешься, если будешь так неистовствовать по поводу любого дела, которое делаешь, сказал Юстэс.

Люди расселись на траве, и Псы, когда они кончили шумно пить из потока, тоже уселись слушать историю, прямые как стрелы, с высунутыми языками, тяжело дыша. Алмаз остался стоять, полируя рог о шкуру.

Глава 15. ВЫШЕ И ДАЛЬШЕ

— Знайте, воинственные короли, — начал Эмет, — и вы, леди, чья красота украшает вселенную, я — Эмет, седьмой сын тархана Харфы из города Ташбаана, что к западу от пустыни. Я пришел в Нарнию с девятью и двадцатью другими воинами под командой тархана Ришды. Когда я впервые услышал, что мы должны идти войной на Нарнию, я обрадовался, ибо слышал многое об этой стране и мечтал встретиться с вами в битве. Но когда я узнал, что мы пойдем под видом купцов, а купеческая одежда позорна для воина и сына тархана, и будем действовать с помощью лжи и предательства, тогда радость оставила меня. И потом, когда я узнал, что мы должны явиться к обезьяне, и когда она начала говорить, что Таш и Аслан — это одно и то же, тогда мир потемнел в моих глазах, ибо с юношеских лет я служил Таш, и главным моим желанием было узнать о ней побольше, и, если возможно, взглянуть ей в лицо. Но имя Аслана было ненавистно мне.

И, как вы видели, ночь за ночью нас собирали к крытой соломой хижине, и горел костер, и Обезьян выводил из нее кого-то на четырех ногах, кого я не мог хорошо рассмотреть. И люди и звери поклонялись ему и чествовали его. Я думал, что тархан был обманут Обезьяном, ибо тот, кто вы ходил из хлева не был ни Таш, ни каким-либо другим богом. Но когда я взглянул в лицо тархана и стал замечать каждое слово, которое он говорил обезьяне, я стал думать иначе, ибо увидел, что тархан сам не верит в это. А потом я понял, что он не верит в Таш, ибо если бы он верил, как бы он осмелился насмехаться над ней?

И когда я понял это, великий гнев обуял меня, и я удивился тому, что настоящая Таш еще не поразила огнем с неба ни обезьяну, ни тархана. Тем не менее я сдержал свой гнев, придержал язык и ждал, чтобы увидеть, чем это кончится. Но в последнюю ночь, в ту самую, о которой вы знаете, обезьяна не вывела это желтое существо, но сказала, что все, кто хочет посмотреть на Ташлана (так они смешали два слова, чтобы сказать, что это одно и то же), могут войти один за другим в хижину. И я сказал себе: «Без сомненья, это тоже обман». Но когда кот вошел, а потом выскочил, сумасшедший от ужаса, тогда я сказал себе: «Уверен — там настоящая Таш, которую они призывали, не зная ее и не веря в нее. Она пришла и мстит за себя». И хотя мое сердце обратилось в воду, потому что Таш — велика и ужасна, желание было сильнее страха, и я усилием воли заставил колени не дрожать, а зубы не стучать, и решил взглянуть в лицо Таш, хотя бы она и убила меня. И я сказал, что войду в хижину, и тархан, хоть и против своей воли, позволил мне войти.

Как только я вошел в дверь, я удивился, ибо обнаружил яркий солнечный свет (как и сейчас), хотя снаружи казалось, что внутри должно быть очень темно. Но у меня не было времени удивляться, ибо я немедленно столкнулся лицом к лицу с одним из наших воинов и вынужден был обороняться. Как только я увидел его, я понял, что обезьяна и тархан поставили его здесь, чтобы убивать каждого, кто войдет, не зная их секрета. Так что этот человек тоже был лжецом, насмеш-

ником и несправедливым слугою Таш. Я пожелал сразиться с ним, и я убил этого негодяя, и выкинул его тело за дверь. Затем я взглянул вокруг и увидел небо и земной простор, и почувствовал сладкий запах. И я сказал: «Клянусь богами, это чудное место, быть может, я вошел в страну Таш». И я начал бродить по этой странной земле и искать Таш.

Я шел мимо трав и цветов, среди благородных и усадительных деревьев, и вот, в узком месте, между двумя камнями, встретился мне Великий Лев. Скорость Его была как у гепарда, а размеры — как у слона, шерсть — как чистое золото, а глаза сияли, как золото, которое льется в горне, и был Он ужасней, чем пламенеющая гора Лагора, и красота Его превосходила все в этом мире настолько, насколько роза в цвету превосходит пыль пустыни. Я упал к Его ногам и подумал: «Уверен, что настал мой смертный час, ибо достойный всякого поклонения Лев знает, что я все дни моей жизни служил Таш, а не Ему. Но лучше увидеть Льва и умереть, чем быть Тисроком в этом мире, и жить, и не видеть Его». Но Славнейший наклонил свою золотистую голову, коснулся моего лба языком и сказал: «Добро пожаловать, сын». Я произнес: «Увы, Господин, я не сын Твой, я слуга Таш». Но Он ответил: «Дитя, все, что ты отдавал Таш, ты отдавал Мне». А потом, ибо я страстно желал мудрости и понимания, я пересилил свой страх и спросил Славнейшего: «Господин, разве правду сказал Обезьян, что Таш и Ты — это одно и то же?» И Лев зарычал в ответ так, что земля сотряслась (но гнев Его был не против меня), и сказал: «Это ложь. Не потому, что она и Я это одно, но потому, что мы — противоположное. Я беру себе то, что ты отдавал ей, ибо Я и она настолько различны, что служение Мне не может быть отвратительным, а служение ей — отвратительно всегда. Если кто-то клянется именем Таш и сдержит клятву правды ради, это Мною он клялся, того не зная, и Я отвечу ему. Если же кто совершит жестокость именем Моим, и скажет „Аслан“, он служит Таш, и Таш примет его дело. Ты понял, дитя?» И я сказал: «Господин, Ты знаешь, что я понял». И еще я сказал (ибо не мог лгать): «Я искал Таш все мои дни». «Возлюбленный, — сказал Славнейший, если бы твое желание было не ко Мне, ты не искал бы так долго и так искренне, ибо искренне ищущий — всегда находит».

Затем Он дохнул на меня, и трепет ушел из моих колен, и я смог встать на ноги. После этого Он сказал только, что мы встретимся снова, и что я должен идти все выше и дальше. И он повернулся в золотом шквале и внезапно исчез.

И с тех пор, о короли и дамы, я брожу, чтобы найти Его, и мое счастье так велико, что ослабляет меня как рана, и это чудо из чудес, что Он назвал меня «возлюбленный», меня, который всего лишь пес...

— Э, что это? — встрепнулся один из Псов.

— Сэр, — ответил Эмет, — это не более, чем оборот речи, который мы употребляем в Тархистане.

— Не могу сказать, что он мне сильно нравится, — сказал Пес.

— Он это не в обиду, — возразил другой Пес, постарше. Мы же называем наших щенков «мальчишки», когда они ведут себя неподобающе.

— Да, так мы и делаем, — согласился первый Пес, — или «девчонки».

— Ш-ш-ш, — одернул его старший, — нехорошо так говорить. Помни, где находишься.

— Смотрите! — внезапно сказала Джил. Кто-то довольно робко приближался к ним. Это было грациозное серебристо-серое создание на четырех ногах. И они глядели на него целых десять секунд, пока одновременно не воскликнули: «О, это старый Недотепа». Они ни разу не видели его при дневном свете и без львиной шкуры. Теперь он стал самим собой: прелестный ослик, с мягкой серой шерсткой, с такой вежливой и честной мордой, что если бы вы увидели его, то поступили бы как Джил и Люси — бросились к нему, обняли за шею, поцеловали в нос и погладили за ушами.

Они стали расспрашивать, где он был, и он сказал, что прошел в Дверь со всеми остальными созданиями, но по правде говоря, старался держаться подальше от них и от Аслана, ибо взгляд настоящего Льва заставил его так устыдиться всей этой чепухи с переодеванием в львиную шкуру, что он не знал, как посмотреть кому-нибудь в лицо. Но когда он увидел, что все его друзья направились на запад, и набил полный рот травы («Я никогда не пробовал такой вкусной»), то осмелел и пошел за ними. «Что же я буду делать, когда действительно встречу Аслана? Право не знаю», — добавил ослик.

— Думаю, что все будет в порядке, когда вы, наконец, встретитесь, — сказала королева Люси. Потом все снова пошло на запад — туда, куда указал Аслан, крикнув: «Выше и дальше!»

Много других созданий шло в том же направлении, но травянистая равнина была широка, и они не теснились. Было еще рано, в воздухе разливалась утренняя свежесть. Они останавливались, оглядывались и смотрели назад, отчасти потому, что вокруг было так прекрасно, отчасти потому, что не могли чего-то понять.

— Питер, — сказала Люси, — где это, как ты думаешь?

— Я не знаю, — ответил Верховный Король, — это тревожит меня и напоминает о чем-то, чего я не могу вспомнить. Быть может, это из детства, когда мы были где-то на празднике?

— Это, наверно, был очень веселый и добрый праздник, заметил Юстэс. — Спорю, что такой страны нет в нашем мире. Посмотрите на краски! Такого голубого цвета, как у этих гор, в нашем мире не бывает.

— Разве это не страна Аслана? — спросил Тириан.

— Это не похоже на страну Аслана на вершине горы на востоке мира, — возразила Джил. — Я была там.

— Если вы спросите меня, — вмешался Эдмунд, — я скажу, что это похоже на что-то в нарнийском мире. Посмотрите на эти горы впереди — и на большие, покрытые снегом горы за ними. Уверен, что они похожи на горы, которые видны из Нарнии к западу от Водопада.

— Да, это так, — согласился Питер, — только они больше.

— Эти не похожи на нарнийские, — возразила Люси. — Посмотрите сюда, — и она показала на юг, влево от себя. Все остановились и повернулись, чтобы посмотреть. — Те холмы, — продолжала Люси, — вон те лесистые и голубоватые — разве они не похожи на южный край Нарнии?

— Похожи, — закричал Эдмунд после минутного раздумья, — конечно же, они похожи. Взгляните, это гора Пира — с раздвоенной вершиной, а это проход в Орландию!

— Но чем-то и непохожи, — возразила Люси, — они немного другие, они ярче и выше, чем те, и они более... более, ну я не знаю...

— Более настоящие, — сказал лорд Дигори мягко. Внезапно орел Остроглаз, летевший в тридцати или сорока футах над ними, распростер крылья, сделал круг и сел на землю.

— Короли и королевы, — воскликнул он, — все мы слепы. Я понял, где мы. Сверху видно все — Этинсмур, Бобровую запруду. Великую реку и Кэр-Паравел, сияющий на краю Восточного моря. Нарния не умерла, это — Нарния.

— Как это может быть? — удивился Питер. — Аслан сказал нам, старшим, что мы никогда не вернемся в Нарнию, а мы здесь.

— Да, — подхватил Юстэс, — и мы видели, как все разрушилось, и солнце зашло.

— Здесь все это немножко другое, — произнесла Люси.

— Орел прав, — начал лорд Дигори. — Послушай, Питер, когда Аслан сказал, что ты никогда не вернешься в Нарнию, он имел в виду ту Нарнию, которую ты знал. Но это была не настоящая Нарния. Та имела начало и конец. Она была только тенью или копией настоящей Нарнии, которая всегда была и будет; так же как и наш собственный мир. Англия и все остальное — это только тень или копия чего-то в настоящем мире Аслана. И не надо оплакивать Нарнию, Люси. Все, что было важного в старой Нарнии, все добрые существа, вошли в настоящую Нарнию через Дверь. Она, конечно, в чем-то отличается — как настоящая вещь от копии или бодрствование — от сна.

Его голос подействовал на всех как боевая труба. Но когда он добавил шепотом: «Это все есть у Платона, все у Платона. Господи, чему их учат в школах!» — старшие рассмеялись. Они уже слышали это давным-давно в другом мире, где борода его была седой, а не золотой. Он знал, что их рассмешило, и засмеялся вместе с ними. Но все быстро стали серьезными снова, ибо часто именно серьезность сопутствует счастью. Было слишком хорошо, чтобы тратить время на шутки.

Так же трудно объяснить, чем эта залитая солнцем страна отличалась от старой Нарнии, как и рассказать вам, каков был вкус плодов в ней. Может быть, вы поймете лучше, если представите себе такую картину. Вы сидите в комнате, окно ее выходит на красивый морской залив или на зеленую долину, простирающуюся среди гор. А на стене против окна висит зеркало. Если вы отвернетесь от окна, то внезапно увидите море или долину в зеркале. И в зеркале они в каком-то смысле будут такие же, как настоящие, но в то же время, будут чем-то отличаться. Они глубже, чудесней, больше похожи на сказку — сказку, которую вы никогда не слышали, но очень хотите услышать. Различие между старой и новой Нарнией было именно такое. И новая Нарния имела более глубокий смысл: каждый камень, травинка и цветок выглядели так, как если бы они больше значили. Я

не могу объяснить лучше. Если вы попадете туда, то поймете, что я имею в виду.

И Единорог высказал то, что почувствовал каждый. Он топнул правым копытом, заржал и воскликнул:

— Наконец-то я вернулся домой! Это моя настоящая страна! Я принадлежу ей. Это та самая страна, которую я искал всю жизнь, хотя никогда не знал этого. И старую Нарнию я любил потому, что она была немножко похожа на эту страну. Иго-го! Выше! Дальше!

Он взмахнул гривой и помчался быстрым галопом — галопом Единорога. Если бы он поскакал так в нашем мире, то скрылся бы из глаз через несколько мгновений. Но здесь произошла странная вещь. Все пустились бежать и с удивлением обнаружили, что бегут наравне с ним: не только Псы и люди, но даже толстенький маленький Недотепа и коротконогий гном Поджин. Воздух обдувал их лица, как будто они ехали на большой скорости в автомобиле без ветрового стекла. Страна неслась назад, как будто они видели ее из окна экспресса. Они мчались все быстрее и быстрее, но никто не чувствовал ни усталости, ни жажды.

Глава 16. ПРОЩАНИЕ СО СТРАНОЙ ТЕНЕЙ

Если кто-то может бежать, не чувствуя усталости, то вряд ли захочет делать что-либо еще. И без причины он не остановится, но, когда Юстэс внезапно крикнул:

— Послушайте! Осторожней! Поглядите, куда мы попали!

— все замерли.

И хорошо, что они это сделали. Перед ними было Котелковое озеро, а за ним высокий отвесный обрыв и струящиеся вниз по обрыву тысячи тонн воды Великого Водопада, местами сверкающей как алмазы, а местами темной, травянисто-зеленой. И грохот падающей воды проник в их уши.

— Не останавливайтесь! Выше! Дальше! — звал Остроглаз, взлетая вверх.

— Хорошо ему, — заметил Юстэс, но Алмаз тоже закричал:

— Не останавливайтесь! Выше! Дальше! Прыгайте одним махом!

Его голос был почти не слышен за ревом воды, но через мгновение все увидели, как он прыгнул в озеро. Всплеск раздавался за всплеском, когда остальные беспорядочно последовали за ним. Вода не была жгуче-холодной, как думали все (а особенно Недотепа). Она была приятной, пенисто прохладной. Все обнаружили, что плывут прямо к Водопаду.

— Это сумасшествие, — крикнул Юстэс Эдмунду.

— Я знаю. И даже... — начал Эдмунд.

— Разве это не чудесно? — сказала Люси. — Вы заметили, что никто не может испугаться, даже если очень захочет. Попробуйте!

— Ей-Богу, не могу, — ответил Юстэс после того, как попытался.

Алмаз достиг водопада первым, но Тириан следовал прямо за ним. Джил была последней, поэтому она видела всю картину целиком, лучше, чем другие. Она увидела, как кто-то белый уверенно двинулся по поверхности Водопада. Это был Единорог. Вы не могли бы сказать, плыл он или шел, но он двигался все выше и выше. Концом рога он раз двигал воду перед собой, и вода разделялась на два радужных потока вокруг него. Позади него был король Тириан. Он двигал руками и ногами, как будто плыл, но поднимался прямо наверх, как будто плыл по стене дома.

Самую смешную картину являли собой Псы. Во время галопы никто не сбивался с дыхания, теперь же, когда они карабкались и неуклонно рвались вперед, им все время приходилось отплевываться и чихать, потому что они пытались лаять, и вода попадала им в рот и в нос. Не успев подумать, как это глупо выглядит, Джил сама попала в Водопад. Такое совершенно невозможно в нашем мире: даже если бы вас не потащило вниз, вас бы расплющило ужасной тяжестью воды или разбило бы о бессчетное количество каменных выступов. Но в этом мире все было возможно. Они продвигались все выше и выше, свет отражался в воде и бросал на них блики, разноцветные камни сверкали сквозь толщу воды и казалось, что они поднимались без усилий — все выше и выше, и ощущение высоты испугало бы их, если бы они могли пугаться, но оно рождало только грандиозный восторг. Наконец все выбрались на великолепный гладко-зеленый уступ — через его вершину переливалась вода, и обнаружили, что они — над Водопадом. Поток лился вниз, и все оказались такими чудесными пловцами, что двигались против течения. Вскоре, они очутились на берегу, насквозь промокшие, но счастливые.

Длиннющая долина открылась перед ними, и огромные, теперь уже близкие; заснеженные горы упирались в небо.

— Выше! Дальше! — закричал Алмаз, и внезапно они снова понеслись.

Теперь они были за пределами Нарний и неслись все выше, по направлению к Западной пустыне, к местам, которые ни Тириан, ни Питер, ни даже Орел никогда не видели раньше. Но лорд Дигори и леди Полли видели. «Ты помнишь? Ты помнишь?» — повторяли они друг другу. Они не задыхались, хотя бежали быстрее, чем летит пущенная из лука стрела.

— Лорд, — начал Тириан, — правду ли говорят предания, что вы двое были здесь в тот день, когда был сотворен мир?

— Да, — подтвердил Дигори, — и мне кажется, что это было только вчера.

— На летающей лошади? — спросил Тириан. — Это правда?

— Конечно, — ответил Дигори. Но тут Псы залаяли: «Быстрее, быстрее!»

И они бежали все быстрее и быстрее, они скорее летели, чем бежали, и даже Орел над их головами не летел быстрее. И они пробегали одну извилистую долину за другой и взбегали на крутые склоны холмов быстрее, чем спускались, мчались по течению рек, а иногда пересекали их, неслись через горные озера, едва касаясь воды, как живые быстроходные катера. И так они бежали, пока не увидели за голубым, как бирюза, озером гладкий зеленый холм. Его склоны были крутыми, как бока пирамиды, вершину окружала зеленая стена; над стеной возвышались стволы деревьев, их листья казались серебряными, а плоды золотыми.

— Выше и дальше! — кричал Единорог, и никто не отставал. Они подбежали прямо к подножию холма и устремились вверх, как гребень волны, разбившейся о каменный склон горы в каком-нибудь заливе. Хотя склон был крутой, как крыша дома, а трава — гладкая, как лужайка для игры в кегли, никто не поскользнулся. И только достигнув вершины, они замедлили бег, обнаружив, что стоят прямо перед большими золотыми воротами. Никто из них не решался посмотреть; открываются ли ворота. Они почувствовали то же самое, что перед деревьями с плодами: «Осмелимся ли мы? Правильно ли это? Для нас ли?».

Пока они раздумывали, откуда-то изнутри сада зазвучал мощный чудесно-звонкий сладкозвучный рог, и ворота, покачнувшись, открылись. Тириан стоял, затаив дыхание, ожидая того; кто выйдет из ворот. А вышел тот, кого он меньше всего думал увидеть — маленький, гладкий, говорящий Мыш с сияющими глазами и красным пером, заткнутым за обруч на голове; левой лапой он опирался на эфес длинной шпаги. Он изящно поклонился и сказал пронзительным голосом:

— Добро пожаловать во имя Льва. Выше и дальше!

Тириан увидел, как король Питер и король Эдмунд, и королева Люси бросились, вперед, встали на колени и обняли Мыша, восклицая: «Рипичип!» И Тириан задохнулся от изумления, ибо понял, что видит перед собой одного из величайших героев Нарнии, Рипичипа, Мыша, который сражался в великой битве при Беруне, а потом плавал с королем Каспианом Мореплавателем на Край Света. Но прежде, чем Тириан успел хорошенько вспомнить все это, он почувствовал, как две сильные руки обнимают его, и кто-то бородатый целует в обе щеки, и услышал голос, который так хорошо помнил:

— Что, парень, похоже, ты потолстел и вырос с тех пор, как я последний раз видел тебя?

Это был его отец, добрый король Эрлиан: не такой, каким Тириан видел его в последний раз, когда короля принесли домой бледного, раненного в битве с великанами, и не такой седоголовый воин, каким он был в предсмертные годы. Он был молодой и веселый, каким Тириан помнил его с раннего детства, когда он, малыш, играл летним вечером в саду Кэр-Паравела, пока не пора было отправляться спать. И тот неповторимый запах молока и хлеба, которыми он ужинал тогда, вернулся к нему.

Алмаз подумал: «Пусть они поговорят немного, потом я подойду поздороваться с добрым королем Эрлианом. Много спелых яблок съел я жеребенком из его рук». Но мгновением позже он забыл обо всем, потому что из ворот вышла лошадь, такая величественная и благородная, что даже Единорог почувствовал себя смущенным в ее присутствии — огромная крылатая лошадь. Она поглядела минуту на лорда Дигори и леди Полли и заржала: «Эй, двоюродные братья!» И оба вскрикнули: «Стрела, старая добрая Стрела», — и бросились целовать ее.

В этот момент Мыш снова пригласил всех войти. Они прошли через золотые ворота, почувствовав чудесный аромат, доносившийся из сада, и попали в прохладную смесь солнечного света и тени от деревьев, прошли по весеннему дерну, усеянному белыми цветами. И обратили внимание

на то, что сад был гораздо больше, чем казался снаружи. Но у них не было времени подумать об этом, ибо со всех сторон шло множество народу встречать новоприбывших.

Все, о ком вы слышали (если знаете историю этих стран), были тут. Белая Сова и квакль Хмур, король Рилиан Очарованный и его мать, дочь Звезды, и его великий отец, сам Каспиан; а за ними шли лорд Дриниан, и лорд Берн, и гном Трам, и добрый барсук Боровик, и кентавр Глен-сторм, и сотни других героев Великой войны за освобождение. А с другой стороны показались Кор, король Орландии, вместе со своим отцом королем Лумом и женой — королевой Аравитой, и братом — храбрым принцем Корином, по прозвищу Громовой Кулак, и вместе с ними шли конь Игого и кобыла Уинни. Чудеса следовали за чудесами, и Тириан несказанно удивился, когда из далекого прошлого показались два добрых Бобра и фавн Тамнус. И начались объятия и поцелуи, и рукопожатия, и оживали старые шутки (вы даже не представляете себе, как хорошо звучит старая шутка, после того, как она отдохнула пять или шесть сотен лет), и целые компании двинулись к центру сада, где на дереве сидел Феникс и смотрел вниз, а у подножия стояли два трона, и на них сидели король и королева, такие величественные и прекрасные, что все поклонились им. И правильно сделали, что поклонились, ведь эти двое были король Франциск и королева Елена, от которых произошли все-древние короли Нарнии и Орландии. И Тириан почувствовал то же, что могли бы почувствовать вы, если бы оказались перед Адамом и Евой в их славе.

Через полчаса, а может быть прошло полсотни лет — время там не походило на обычное — Люси стояла со своим дорогим другом, со своим старейшим нарнийским другом, фавном Тамнусом, и глядела со стены сада на Нарнию, расстилавшуюся внизу. Сверкающие обрывы спускались на тысячу футов вниз и деревья выглядели, как крупинки зеленой соли. (Когда вы смотрите сверху, то понимаете, что стоите гораздо выше, чем вам раньше казалось). Потом Люси снова обернулась и посмотрела в сад.

— Я понимаю, — сказала она задумчиво. — Я понимаю теперь. Этот сад — как Хлев. Он куда больше внутри, чем снаружи.

— Конечно, дочь Евы, — ответил фавн. — Ты стремилась выше и дальше, это самое большее из того, что можно получить. Внутри больше, чем снаружи.

Люси пристально посмотрела на сад и увидела, что это не простой сад, а целый мир, со своими реками и лесами, морями и горами, но они были не чужие, Люси узнала их.

— Я понимаю, продолжала она, — это тоже Нарния, и она реальней и прекрасней, чем Нарния внизу, настолько, насколько та была реальней и прекрасней Нарнии снаружи Хлева. Я понимаю... мир внутри мира, Нарния внутри Нарнии...

— Да, — отозвался мистер Тамнус, — это как луковица, только наоборот — когда ты двигаешься внутрь, каждый круг — больше предыдущего.

Люси глядела то туда, то сюда и вскоре обнаружила в себе еще одну чудесную перемену. На что бы она ни смотрела, как бы далеко это ни было, она могла разглядеть любой предмет, и он становился ясным и близким, как в телескопе. Она видела Южную пустыню и огромный город Ташбаш, а на востоке — Кэр-Паравел на краю моря, и каждое окно в своей бывшей комнате. Далеко в море она видела острова, остров за островом до конца мира, а за ними — огромную гору, которую они тогда называли страной Аслана. Но теперь она увидела, что это только часть громадной цепи гор, кольцом окружавшей весь мир, и мир показался ей очень тесным. Потом она взглянула налево и увидела гряду ярко окрашенных облаков, отделенную от сада узким ущельем; взглянув пристальней, она поняла, что это не облака, а настоящая страна. И посмотрев еще внимательней, она внезапно закричала: «Питер! Эдмунд! Идите и взгляните! Быстреей!». И они подошли и все увидели, потому что их глаза тоже изменились.

— Ну и ну! — воскликнул Питер. — Это Англия. Тот самый дом. Старый дом профессора Керка, где начались все наши приключения!

— Я думал, что дом разрушен, — удивился Эдмунд.

— Так и было, — сказал фавн. Но сейчас вы глядите на Англию внутри Англии. Настоящая Англия — то же самое, что и настоящая Нарния, ведь в той Англии, что внутри, все хорошее сохраняется. Они перевели взгляд на другую точку, и тут у Питера, Эдмунда и Люси перехватило дыхание от изумления, и они закричали, и заволновались, и замахали руками, ибо увидели своих родителей, которые прогуливались в огромной глубокой долине и махали им. Представьте, что вы видите людей, машущих с палубы большого корабля, когда вы сами на причале.

— Мы можем попасть к ним? — спросила Люси.

— Это не трудно, — ответил мистер Тамнус, — эта страна и та страна — все настоящие страны — только отроги Великих гор Аслана. Мы можем пройти вдоль гребня, вперед и вверх, туда, где они соединяются. Но послушайте, это рог короля Франциска, нам надо идти.

Вскоре все собрались вместе, и длинной яркой процессией отправились вверх по горам, гораздо выше, чем мы можем себе представить. На этих горах не было снега. Там были леса и зеленые склоны, сладко пахнущие сады и сверкающие водопады, бесконечно текущие один над другим. И страна, по которой они шли, постепенно становилась глубокой долиной, и настоящая Англия превращалась в такую же узкую долину, и они были все ближе и ближе.

Свет становился все сильнее. Люси увидела, что разноцветные уступы разворачиваются перед ними как лестница великанов. Тут она забыла все остальное, потому что Аслан спускался вниз с уступа на уступ, как живой водопад силы и красоты.

Первым Аслан позвал Недотепу. Ослик выглядел таким ничтожным и глупым, когда поднимался к Аслану. Он казался перед ним таким маленьким, как котенок, перед сенбернаром. Лев наклонил голову, шепнул что-то Недотепе, и его длинные уши опустились, потом он сказал что-то еще, и уши снова поднялись наверх. Люди не слышали, что он сказал, ни в первый раз, ни во второй. Аслан повернулся к ним и произнес:

— Вы еще не такие счастливые, какими я хотел бы вас видеть.

— Мы боимся, что ты пошлешь нас назад, Аслан, — ответила Люси. — Ты так часто отсылал нас обратно в наш собственный мир.

— Не бойтесь, — промолвил Аслан, — разве вы не догадались? Их сердца забились в отчаянной надежде.

— Это было настоящее крушение, — ответил Аслан мягко.

— Ваши родители и вы — в том мире. Мире Теней — мертвы. Учебный год окончен, каникулы начались. Сон кончился, это утро.

И говоря так. Он больше уже не выглядел как Лев, и все, что случилось потом, было таким великим и прекрасным, что я не могу это описать. Для нас тут конец историй, и мы можем только сказать, что с тех пор они жили счастливо, и для них это было началом настоящей истории. Вся их жизнь в нашем мире и все приключения в Нарнии были только об ложкой и титульным листом, теперь, наконец, они открыли Первую Главу в Великой Истории, которую не читал никто в мире: истории, которая длится вечно, и в которой каждая глава лучше, чем предыдущая.